

ДЁРТ бизни къуртараджакъ!

Эрфан Кудусовның къорантасы

Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

Я не хочу показаться нетолерантным человеком и сразу сделаю ударение на том, что я не против чужой культуры. Я за то, чтобы человек развивался, расширял свой кругозор, но при этом глубоко убеждена, в первую очередь нужно знать свое! Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

стр. 2 ►

История одного возвращения (повесть о Мусе Мамуте)

Весь путь до больницы Акъмседжита Айдер держал Мусу за плечо, вытирая кровь на его губах, пока тот не ослабев, не упал головой ему на грудь.

— Ридван, Айдер, — еле слышно прошептал Муса, — то, на что я решился, не пройдет бесследно для наших земляков — и здесь, и в ссылке... — последнее, что он вспомнил, теряя сознание, рыдающего во дворе Юнуса: — Детей моих не оставляйте... Эльвида, достлар...

стр. 5 ►

Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

Пять лет назад в газете *Avdet* была опубликована статья «Как долго мы будем кормить чужую культуру?», но актуальность ее растет с каждым годом все больше и больше! Буквально на днях на одном из диспутов, организованных нашими активистами, тема которого звучала так: «Как стать успешным и не потерять свою национальную самоидентичность», я поднимала проблему «кавказомании» и ее влияние на нашу молодежь, но ничего вразумительного в ответ, к сожалению, не услышала! Поэтому обращаюсь к вам, наши уважаемые организаторы вечеринок, а также те, кто их поддерживает и «фанатеет» от такого рода мероприятий, не зная элементарного об искусстве своего народа, как долго мы еще будем кормить чужую культуру??!

Эта проблема волнует многих! У меня даже мелькнула мысль поднять эту проблему выше простого обсуждения в Интернете, хотела застыдить участников наших промо-групп, которые везут в Крым кавказских «звезд», кто ходит и поддерживает подобные вечеринки... Ведь это правда! Своего совершенно не знают, а песни, таких как Зарина Тилидзе, Эльбрус, Самира, Эльдар Долгатов, Фариз Фортуна, Джандро знают наизусть! Я не хочу показаться нетolerантным человеком и сразу сделаю ударение на том, что я не против чужой культуры. Я за то, чтобы человек развивался, расширял свой кругозор, но при этом глубоко убеждена, в первую очередь, нужно знать свое! Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

И потом... Кого к нам везут? «Артисты», которых у себя никто и не знает, а главное, которые не могут и четырех нот связать! У меня был случай. Пригласили выступить на одну вечеринку (последняя в моей практике), как оказалось на разогрев к одной кавказской «звезде». Не будем говорить о том, что аппаратура ужасна, что микрофон никакой... Я – артист, плохая техника – это мои заботы, вышла на сцену – выкручивайся сама. И я пою, вживую, сложную песню, с широким диапазоном... И что присутствующие? Упорно едят свой салат! Я пою и слышу, как гремят ложки по тарелкам! Понятие о воспитании, этикете, этого я и близко не увидела... Не все, конечно, такие, но, увы, большинство. Выступая за рубежом, на других площадках, никогда не видела, чтобы при выступле-

нии артиста зритель ел... Что дальше? Выходит приглашенная с Кавказа певица, включается плюс, песенка максимум на четыре ноты и народ в восторге!!

Стыд и позор! Понимаю, что организаторы зовут тех, на кого есть спрос, но вестись на такую дешевизну... При этом, как получится достойный местный музыкальный продукт, если в него никто не вкладывает, и каждый наш артист мелкими шажками перебивается сам? Недавно услышала мнение одного историка: «В период культурного застоя образуется вакуум, который требуется чем-то заполнить и тогда начинаются заимствования у соседних культур»... Я не согласна! О каком застое может идти речь, когда на сегодняшний день в Крыму столько замечательных артистов, причем в нескольких поколениях, несколько ансамблей, не говоря уже о художниках, поэтах и т.д.! А давайте вспомним, сколько у нас прекрасных молодых исполнителей! И опять вернемся к вопросу, что в них никто ничего не вкладывает! Проблема в том, что привезенное из-за границы у нас ценится выше своего, родного. У нас так...

Я не могу говорить за весь Крым, я говорю про свой народ – наш менталитет таков, что свое не ценим. Со мной согласятся многие, того, кто хоть на полголовы вырвется вперед – готовы затоптать. Парадокс Крыма в том, что в талантливых не вкладывают ни копейки, а бездарям открывают все двери. В таких условиях, откуда взяться и как выстоять

людям, которые стремятся поднять культуру? А при этом, представь, ты по крахам собираешь будущий номер, костюмы, аранжировки, выходишь на сцену, а

в ответ жующие рты и ложки по тарелкам... Но! В своем убеждении я остаюсь твердо: творить можно и нужно даже без материальных благ! Но, разумеется, когда твой труд ценится – приятно вдвое, и вперед ты идешь в два раза быстрее.

Певица, солистка ансамбля «Кырым» Эмине Мустафаева, по материалам интервью проекту «Культурная хроника»

Крымские татары в Чернобыле: как сложились их судьбы?

Трагедия самой большой аварии в истории атомной энергетики – на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года – коснулась и многих крымскотатарских семей. *Avdet* выяснил, что среди наших соотечественников немало ликвидаторов последствий аварии, с негативными эффектами от которой они живут по сей день. С некоторыми из них нам удалось пообщаться.

Тайр Мустафаев попал в Чернобыльскую зону в июле 1986 года. Тогда ему было 28 лет. Получив повестку в армию и пройдя медицинскую комиссию, Тайр Мустафаев уже на третий день из Симферополя отправился в зону от-

чуждения. Крымской зоне два месяца, и это не прошло для его здоровья просто так. В 38 лет он стал инвалидом второй группы. Таир Мустафаев рассказывает, что с крымскими татарами-чернобыльцами познакомился уже в Крыму, со многими до сих пор общается.

Кстати, семья Таира Мустафаева переехала в Крым в 1974 году, поэтому в 1986 году он призывался в армию из Симферополя.

Эскендер Изетов в 1980-х годах жил в Донецкой области. В апреле 1987 года его, 27-летнего офицера запаса, лейтенанта инженерных войск, призвали на полугодовые сборы, 55 дней из которых он провел в зоне отчуждения. В Чернобыле

кие-либо специальные костюмы или иные средства защиты, наш собеседник лишь рассмеялся, заявив, что такое только в кино бывает.

По его словам, выдавали малоэффективные в тех условиях респираторы-лепестки, которые, впрочем, мало кто носил, а трудились инженеры в обычной военной форме.

«У нас была команда рядовому составу ничего не говорить, потому что все бы разбежались. Так и работали. Как на войне. Сложно первые несколько дней, а потом привыкаешь», – рассказывает Эскендер Изетов.

Памятью о работе в радиационной зоне оказалась инвалидность. Радиация отразилась и на здоровье детей ликвидатора – оба его сына также имеют инвалидности.

«Я хотел четверых детей, как у мо-

чуждения. Мужчина вспоминает, что жили солдаты в палатках в лесу. Основная их работа в этой зоне заключалась в том, что ежедневно с 5 утра до 22 часов на поливомоечных машинах они смывали с дороги радиационную пыль, чтобы автомобили, возвившие на станцию бетон и другие материалы, не наматывали радиацию на колеса.

Так, Таир Мустафаев отслужил в Чер-

го деда, но побоялся», – поделился он. Эскендер Изетов вспоминает, что сам был «закален» экологией Донецкой области, где он вырос, а вот тем, кто приезжал из «зеленых», экологически чистых областей, в том числе крымчанам, приходилось нелегко. Они часто теряли сознание и попадали в госпиталь.

«А в госпитале ничего, кроме спир-

та, не было. Я и сам лежал в госпитале, поэтому знаю, что никакого лечения не было», – рассказывает наш собеседник.

Фотографий с тех мест у Эскендера Изетова не оказалось. Говорят, что фотографировать вообще-то запрещали (хотя кто-то умудрялся незаметно сделать несколько кадров) да и настроения никого не было.

В Донецкой области семья Эскендера Изетова оказалась в конце 60-х годов, но сперва, конечно, пыталась вернуться в Крым.

«У меня дедушка был хоть куда, поэтому в 1967 году рванули в Крым, но мы до родины не доехали, нас остановили в Херсонской области. Тогда наша семья решила отправиться в Донецкую область, куда по вербовке еще в 1956 году уехали братья деда», – делится он.

В 1987 году, женившись, Эскендер Изетов переехал в Крым.

Ленур Куртсеитов также является одним из ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС. В те страшные дни он работал в составе группы врачей в Чернобыле. В этом году он отмечает свое 75-летие.

«Как и все, получил огромную радиацию и последствия для своего здоровья, которые не заставили себя ждать.. Слава Всевышнему, что дал сил пережить, сохранил жизнь. Отец всегда говорит, меня спас Бог четырехлетним ребенком в депортации и хранит до этих дней.. А он в свою очередь помогает другим людям», – рассказала об отце Анифе Куртсеитова.

Справка. Авария на Чернобыльской АЭС – разрушение 26 апреля 1986 года четвёртого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, расположенной на территории Украинской ССР (ныне – Украина). Разрушение носило взрывной характер, реактор был полностью разрушен, и в окружающую среду было выброшено большое количество радиоактивных веществ. Авария расценивается как крупнейшая в своем роде за всю историю атомной энергетики, как по предполагаемому количеству погибших и пострадавших от ее последствий людей, так и по экономическому ущербу.

25 интересных фактов свадебного обряда крымских татар

*Къызынъ бешикте олсун, джегези – сандыкъта
(Дочь пусть будет в люльке, а приданое – в сундуке)*

Свадебный обряд крымских татар издавна считался не только началом новой жизни молодоженов, но и местом для встреч и общения молодежи. Исламские традиции запрещали девушке оставаться наедине с молодым человеком, считалось неприличным и знакомство на улице. *Avdet* предлагает подборку интересных фактов свадебного обряда крымских татар, который на сегодняшний день сохранил, к сожалению, только главные особенности этого старинного обряда.

пояс «къушакъ»; расшитый платок, сложенный по диагонали и перевязывающий предплечье правой руки.

3. Решение о замужестве дочери принимали сначала родители.

4. О согласии выйти замуж за молодого человека родители узнавали через подругу дочери. Она являлась посредником между дочерью и родителями.

5. Цена *кальма* («башлыкъ парасы») зависела от достатка родителей жениха и делилась на две части: «накъйт» – сумма денег, на которую отец невесты покупал приданое. Вторая сумма *кальма* – «ники» обуславливалась в договоре на случай развода или смерти жены. Она оставалась в руках у мужа. Калым не представлял собой плату за невесту. Это было возмещением расходов на ее приданое.

Примечание. В брачных договорах села Дерекой можно было встретить следующий список подарков для невесты: 50 единиц мелкого золота «нусфис»; 50 – крупного золота «дукат»; два плаща «антэр»; серебряный пояс «йипишли къушакъ»; бархатный полушибок «къуркъ»; белое покрывало, которым окутывали невесту в дни свадьбы «фередже-марама»; 300–500 саженей земли.

В Бахчисарайском районе список подарков состоял из таких предметов: 20–40 турецких золотых монет, которые замужние женщины носили с праздничными нарядами на груди в виде ожерелья – «герданлыкъ», или нашитыми на шапочку – «фес»; пять пар золотых серег – «купе»; серебряный пояс – «кумюшкъушакъ»; три женских праздничных плаща – «атлас-антэр», «къадифе-антэр», «шам-аладжа-антэр»; беличья шубка – «тончукъ»; три или четыре шелковых, шерстяных шали – «пошу», «чембер»; занавес – «перде»; головной убор невесты – «дуакъ»; набор медной посуды; матрасы «миндер», одеяла «ёрған».

6. После достигнутого соглашения обе стороны давали друг другу слово: «Сёз бир, Алла бир» (Единое слово, единый Бог), поздравляли друг друга с предстоящей свадьбой.

7. Сваты передавали от родителей жениха принесенное ими золото и шелковый головной платок для избранницы. Родители невесты в знак согласия вручали сватам расшитый дочерью «свадебный» шелковый платок для жениха.

Для этого платка существовало строго установленное расположение узора – в каждом углу вышивался один и тот же мотив. Платок при передаче складывался вчетверо. Четырехугольник символизирует равенство, истину, справедливость, мудрость, честь. Этот первый акт назывался «сёз кесъги» – объявление молодых людей официально женихом и невестой «нишанлы».

8. Через две недели после обряда «сёз кесим» совершалось обручение («агыр нишан»).

11. Невеста должна была приготовить «бохча» – набор подарков для жениха, который состоял из девяти предметов («докъузлама»).

Примечание. В Бахчисарайском районе в этот набор входили: 1) кисет «кисе» для табака; 2) футляр для часов «саат-хане»; «саат-къаап»; 3) «емен явлукъ» – этим платком обматывали кисти рук жениха после крашения пальцев хной перед свадьбой; 4) «ядер явлукъ» – платок, в который заворачивали сосуд с хной для окрашивания пальцев жениха; 5) две расшитые рубашки «кольмек»; 6) подвязка для мужских чулок «чорап бау»; 7) пояс-шнур для мужских шаровар «учкур»; 8) свадебный пояс «йипишли къушакъ»; 9) «едеги явлукъ» – памятный платок.

12. Для родителей и родственников в подарок предназначались расшитые полотенца «юз без», рубахи «кольмек», кисеты «кисе», шарфы «марама», шелковые платки «явлукъ», бархатные ткани.

13. Набор подарков заворачивали в большой, расшитый по углам металлической нитью атласный платок с бахромой – «явлукъ» (у южнобережных –

«пошу»). На атласный платок нашивалась бумага с надписью «Къурган къатым». Это обозначало, что за упокой души одного из близких родственников жениха невестой прочитан весь Коран.

14. Раньше в дом невесты в качестве сватов приходили двадцать пять мужчин и два молодых человека, которые несли подносы с подарками от жениха.

15. Основную часть подарков составляли украшения для невесты: головные, шейные, нагрудные, украсления для рук, пояса, ног. В этот набор включали золотые серьги «купе», два золотых браслета «бильезик», которые украшали запястья обеих рук, серебряный пояс «йипишли къушакъ», золотое кольцо «юзюкъ»; головные уборы – «фередже марама», «фес»; два нарядных платья – «шам-аладжа антер», «къадифе антер»; обувь – «терлик», «лапич»; различного рода ткани. Матери в подарок – ткань, головной убор «марама», отцу – полотенце «юз-без», рубашку «кольмек». Дедушкам, бабушкам, братьям, сестрам, родственникам – ткани, кисеты «кисе», полотенца «юз-без», платки «явлукъ», шарфы «марама» и т. д. Подарки вручались родственникам невесты, взамен молодые люди получали расшитые рубашки «кольмек».

16. Приданое невесты состояло из большого количества медной посуды, килимов, матрасов, подушек, шерстяных одеял, постельного белья, полотенец. С раннего детства девочки занимались вышиванием на головных платках «баш явлукъ», шарфах «марама», «шербенти», салфетках «яг-без», что являлось частью приданого.

Примечание. По описанию Караплезли, в деревне Дерекой мать девушки должна была до свадьбы увидеть дом, в котором предстояло жить ее дочери. Родители невесты получали приглашение со стороны жениха. В этот вечер теща дарила будущему зятю кисет «кисе» или портсигар «саат-хане». Следующий визит был со стороны родителей жениха. Во время встречи голову будущей свекрови покрывали шалью «топракъ басты марама». Будущая свекровь дарила невесте платье «антэр», в котором невеста выходила знакомиться с родственниками жениха на следующий день после свадебного пиршества. Во время

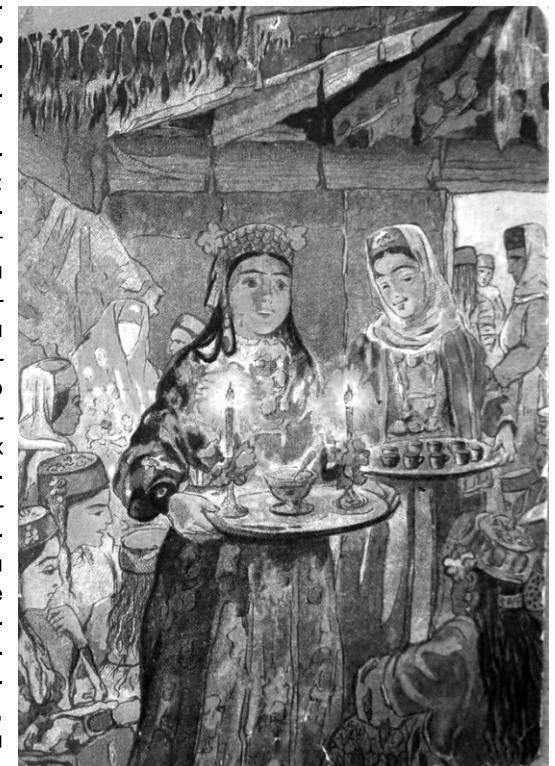
визитов оговаривался и день свадебного торжества. За неделю до свадьбы несколько мужчин со стороны жениха приносили в дом невесты къалым (все вещи, установленные при торге). В подарок от невесты им вручали рубашки «кольмек», полотенца «юз без», кисеты «кисе».

17. Со дня обручения девушка ходила с шалью «чембер».

18. Для шитья свадебного платья приглашали портниху «терджи къадын» (сшить свадебное платье означало выкроить новую кожу, т.е. начало новой жизни).

19. Празднование самой свадьбы «той» сопровождалось различными обрядами и происходило параллельно в

домах невесты и жениха. Свадебное пиршество продолжалось до четверга. Гости на пиршество приходили в удобное для себя время (утром, днем, вечером).

20. По исламским традициям, мужчины и женщины во время пиршства находились в разных комнатах. Желающим посмотреть приданое невесты отводилась отдельная комната.

21. Музыкальное сопровождение, угощение, песни и танцы продолжались в течение всех дней. В четверг невесту перевозили в дом жениха – это самый важный момент в свадебной церемонии дома невесты.

22. Сборы заканчивались, когда в комнату входили родители и отец опоясывал дочь серебряным поясом в знак благословления, прочитывалась молитва. После обеда, чтобы перевезти невесту в дом жениха, приезжали сваты и свидетель жениха «шаат». Жених и его родители в этом процессе не участвовали. Подруги вместе с невестой рассаживались в комнате. Входил мулла и два свидетеля «шаат» (мужчины – родственники со стороны невесты и жениха), начинялся *никя*.

23. Обряд опоясывания талии дочери отцом – символ начала новой жизни. Обряд покрывания головы сына отцом каракулевой шапкой «къалпакъ» – знак благословления на новую семейную жизнь.

24. Свадебные наряды жениха и невесты – символ супружеской верности. Покрывание головы невесты покрывалом «фередже марама» – это запрет на девушку, которая составляет чью-то собственность. Обряд раскрывания невесты, снятия с нее «фередже марама» женихом – знак покорности.

25. Заключительная сцена, когда жених с невестой разували друг друга в первую брачную ночь – это знак преданности друг другу.

По материалам исследования
Лейли АБЛЯМИТОВОЙ

Кызылчык татлысы

Говорят, что о вкусах не спорят. Поэтому для каждого из нас вкус Крыма будет разным. Но в целом все вместе мы можем собрать прекрасную мозаику, составленную из вкусов людей, проживающих на этой благодатной земле, и ничего лишнего в ней не будет, каждый вкус будет на своем месте.

Для меня Крым – это вкус кизилового варенья («кызылчык татлысы»), которое я пробовала только у себя на Родине. Это особенное угощение, немного терпкое, вяжущее, с кислинкой – гармоничная палитра вкуса, отражающая все краски крымской земли, на которой растет эта ягода.

Давайте представим, что на дворе осень, кизил поспел, и мама варит из него варенье, снимает розовую пенку с кипящей массы, а душистый аромат разбегается по всем уголкам дома. А потом представим зимний вечер: вся семья дружно пьет чай с кизиловым вареньем. После чаепития время для сказочной истории о родном Крыме...

Давным-давно в одном селе жили две сестры-сиротки. Старшая была душевная, веселая, добрая и покладистая. За это в селе ее прозвали Джанлы. А младшая была вредной, упрямой и всегда недовольной. За это ее прозвали Джарыз. Девушки жили в стареньком доме, занимались хозяйством и работали золотошвейками у одной богатой дамы.

Раз в день девушки спускались с кувшинами к роднику. Джанлы всегда напевала приятную мелодию, и ее кувшин быстро наполнялся водой. А у Джарыз никогда не хватало терпения дождаться, пока кувшин наполнится. Возвращаясь с родника, Джанлы весело пересекалась с камня на камень и не расплескивала ни капельки. Джарыз же обходила все камни на пути, не пела, а только ворчала что-то себе под нос и доносила до дома лишь половину кувшина, расплескав часть воды в пыль.

Обе девушки мечтали поскорее выйти замуж, но никто к ним не сватался, уж больно бедные они были, а покойные родители не смогли им оставить ничего в качестве приданного. Но сестры не отчаявались, они были очень красивы, да и были мастерами в вышивании золотыми нитями, так что будущее им грезилось счастливым, в котором будет и дом полная чаша, и добный муж, и много детей.

Богатая дама, у которой работали девушки, платила им нещедро, но разрешала забирать обрезки ткани, лоскуты. Дома в свободную минуту девушки старались сшить из лоскутов что-нибудь на продажу. Джанлы любила вышивать цветочные узоры, а Джарыз – геометрические. На рынке большим спросом пользовались изделия с цветами, но сестра-вредина не хотела с этим соглашаться и продолжала вышивать скучные фигуры. Тогда добрая сестра, чтобы не расстраивать младшую, тихо вставала по ночам и дополняла вышивку упрямицы своими чудесными узорами.

Однажды девушки сшили много товара на продажу и решили пойти на рынок, чтобы выручить за свою работу несколько серебряных монет, чтобы отложить эти деньги в качестве приданного.

Пока они шли по пыльной дороге, Джарыз постоянно жаловалась на острые камни, на жару, на то, какая у нее нелегкая доля, ведь она заслуживает не ходьбы пешком, а поездки на бричке с лошадью в упряжке. А Джанлы только улыбалась в ответ и под-

бадривала сестру словами: «Осталось совсем недалеко, дорогая сестрица. Хочешь, я помогу тебе нести твою корзину?» Так девушки добрались до города Кырасубазар, где были самые богатые рынки во всем Крыму.

Пройдя в ряды золотошвеек, девушки разложили свой товар, и очень скоро он был весь продан. Девушки выручили целых десять серебряных монет за свой труд бессонных ночей.

Пора было собираться в обратную дорогу, только Джарыз стала упрямиться и требовать, чтобы перед уходом девушки осмотрели все товары на рынке. Проходя от лавки к лавке, девушки мечтали, что когда-то у них будет достаточно монет, чтобы купить все, что пожелаетсѧ. Джарыз уверяла некоторых продавщиц, что скоро вернется за полюбившейся феской, туфельками или къушаком, вот только выйдет замуж за богача. Продавщицы охали в ответ и улыбались. Джанлы скромно молчала, даже если ей по вкусу пришли феска и къушак, которые выбрала ее сестрица.

Когда все лавки были осмотрены, девушки направились к выходу. У ворот на рынок стоял пожилой седовласый человек. Он был чем-то очень расстроен, что сразу заметила добрая Джанлы. Она подошла к человеку, несмотря на то, что Джарыз тянула ее за рукав, пытаясь остановить от разговора с незнакомцем.

– Что с Вами случилось, агъа? – спросила Джанлы.

– Ох, балам, – запричитал пожилой человек, – беда случилась со мной. Мошенники обманули меня и забрали все мои деньги, вырученные от продажи саженцев. Что же я принесу домой своей семье?

Джанлы, не раздумывая, развязала платок с десятью серебряными монетами и протянула старику. Джарыз не успела даже ахнуть!

– Агъа, возьмите вот эти деньги, сказала Джанлы, – я и моя сестрица заработали их своим трудом. Мы еще зарабатываем, будем шить и вышивать день и ночь, так что не переживайте, примите эту помощь.

Старик был поражен добротой девушки. А вредная сестрица уже налилась красной краской, готовая закричать и на сестру, и на старику. Но тут пожилой человек потянулся к мешку и достал два саженца.

– Добрые девушки, вот все, что у

ягоды не спасают так быстро, и не нужно ни с кем делиться.

Осенью, наконец, стал спасать и кизил. Джарыз строго следила, чтобы ни одна ягодка не досталась никому. Когда же, наконец, ягоды налились сочком, она впервые сорвала одну и с удовольствием положила ее в рот. Какое же удивление было, когда вместо сладости, рот наполнился кислотой с вяжущей горчинкой.

– Ах ты, противный старики! – закричала Джарыз, – Ты обещал, что ягоды будут сладкими, а что в итоге у меня выросло?

Джанлы пыталась успокоить расстроенную сестру. Она собрала ягоды, промыла их, сварила сахарный сироп, и опустила в него кизил. Вскоре необыкновенный аромат наполнил дом сироток. Когда сироп стал темно-красным, а ягоды набухли, напитавшись сладкой массой, девушки попробовали, что получилось, и остались так довольны вкусом, что даже вредина Джарыз засияла доб-

меня есть. Я не могу просто так принять вашу помощь. Только если вы примете от меня эти саженцы и посадите их у себя в саду. Растите их с любовью, и вы будете очень довольны плодами своего труда, – сказал старики и пригласил жестом принять его дар.

Джарыз бросилась к саженцам. Сначала она схватила кустик, густо усыпанный листочками. Но стебли оказались с шипами. И тогда она взяла второй саженец – без шипов. А Джанлы достался колючий. Поблагодарив старики, девушки пошли в родное село. По дороге Джанлы кололась о шипы и звонко смеялась, а Джарыз повторяла: «Это тебе в наказание за то, что ты слишком добрая и отдала все наши деньги за эти дурацкие саженцы!»

Сестры посадили два куста у себя в саду. Джанлы поливала свой куст обильно, принося полный кувшин воды с родника каждый день. А Джарыз ленилась, не доносила воду, так что ее кусту доставалось всего половина кувшина воды.

Прошло два года. И вот весной оба куста зацвели. Вскоре из завязей появились зеленые ягоды. На колючем кусте были ягоды малины. А на кусте без шипов – ягоды кизила. Малина быстро спасала под жарким летним солнышком, и вскоре Джанлы угощала сестру и всех соседей спелыми ягодами. Джарыз радовалась, что ее

войды не спасают так быстро, и не нужно ни с кем делиться.

Слава о новом угощении сестер-сирот разнеслась по округе. Просыпалось о нем и юноша по имени Селим из дальнего села, по другую сторону от Кырасубазара. На одном из празднеств, где Джанлы и Джарыз угощали всех кизиловым вареньем, Селим был поражен красотой и приятными манерами Джарызы.

Однажды в пятницу, после Джуманамаза, к сироткам постучали сваты. Когда Джанлы и Джарыз открыли двери гостям, то ахнули от изумления – одним из гостей был отец влюбленного юноши, и это был тот самый старики, который подарил им саженцы. Как же они обрадовались встрече, поцеловали руку старику в знак уважения и усадили на самое почетное место в доме. Девушки рассказали, как благодаря кусту кизила они поняли, что если не отчаяваться, то можно преодолеть любые трудности. И тогда кислинка превратится в сладость.

Джарыз и Селим вскоре поженились и стали жить в дальнем селе за Кырасубазаром. А еще через год уже играли свадьбу Джанлы. Девушки получили все, о чем мечтали.

Давайте и мы никогда не будем отчаяваться, и будем всегда помнить, что любые препятствия можно пройти, если помыслы наши чисты и добры. И будем мечтать о самой лучшей судьбе для нашей Родины – Крым, для его замечательного народа, и тогда инша Аллах все это исполнится.

Муса Мамут – крымскотатарский Данко

Перед вами очередной литературный шедевр известного писателя Тимура Пулата «История одного возвращения (повесть о Мусе Мамуте)», который впервые публикуется на русском языке на страницах газеты Avdet. Переведенный на крымскотатарский язык текст произведения напечатан в газете QIRIM. На этот раз автор произведения о последних днях жизни Номана Челебиджихана («Скажи смерти: нет!»), которое уже завоевало народную любовь, берется обернуть в художественный облик ключевые события из жизни не менее выдающегося крымского татарина, навсегда оставшегося в истории Крыма и сердцах соотечественников своим бесстрашным подвигом, Мусы Мамута.

В основе произведения реальные события из жизни «живого факела» Мусы Мамута, повесть «населена» персонажами, имеющими прототипы с их настоящими именами. Автор на протяжении всего сюжета держит читателя, знающего о трагической судьбе Мусы Мамута, в напряжении. Цель писателя не просто рассказать о подвиге крымского татарина, а описать его моральное состояние накануне самосожжения, его характер и красоту души, показать его трепетное отношение

к жене и детям, его самоотверженное стремление жить на родине предков, несмотря на все преграды и трудности.

Текст произведения насыщен перекличками с текстами священных писаний – Корана и Библии. Каждая глава сопровождается эпиграфом из Корана или Библии, а также из знаменитого «Завещания отца» ветерана крымскотатарского национального движения Амета Моллаева. Муса изображен правоверным, глубоко верующим мусульманином, период

ически цитирующим аяты и суры из Корана. Писатель использует аллюзии на жизнь пророка Мусы (Моисея): Муса Мамут повторил подвиг Моисея и вывел свой народ из плена «фараона Сталина».

Автором приведена и реминисценция на легенду о Данко (из рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль»), пожертвовавшего своим сердцем ради того, чтобы вывести свой заблудившийся в болотах народ. Рассказывая эту легенду детям, Муса как бы готовит их к тому, что человек, пожертвовавший собой, чтобы осветить путь другим, никогда не умрет в сердцах людей.

Особый драматизм сюжету придают и мелкие детали, описанные автором: сравненное с землей кладбище в родовом селе Узунджа, где покоялись предки Мусы, продажа-обмен надмогильных крымскотатарских камней прямо в строении дюрбе, в котором покоился святой, «факельное шествие» дружинников – акция, организованная для запугивания крымских татар и др.

Текст произведения насыщен словами и выражениями на крымскотатарском языке, различными народными приметами, поверьями (мына санъа кемик тиш. Бер маңа алтын тиш; баланы сипиркинен урмагъа олмай, осымез и др.), отрывками из песен.

Сказанное выше свидетельствует о том, что написанию повести «История одного возвращения» предшествовала долгая и кропотливая работа, связанная с изучением истории крымских татар, их обычая, традиций, знакомство с целым архивом материалов о трудностях возвращения народа на родную землю.

У крымскотатарского народа немало национальных героев, занявших свои места на страницах истории. Однако в литературе далеко не все из них нашли свое подлинное место. Художественное же слово Тимура Пулата навсегда выбило имена двух национальных героев – Номана Челебиджихана и Мусы Мамута – в грани мировой литературы. Надеемся, на этом писатель не остановится.

ТИМУР ПУЛАТОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ (повесть о Мусе Мамуте)

Дети, умирая, я завещаю вам: Не забывайте: есть Родина и у нашего народа. Она там, на берегу Черного моря – ваш Крым, где следы истории наших предков, их слезы, горе и плач ...

Амет Моллаев (Кърымлы Аметы), «Завещание отца»

Павленко о татарах... Неплохо подает писатель, убедительно.¹ – И широко раскрыл рот с мелкими зубами, смачно зевнул, и лицо его снова приняло скучное выражение под стать общей атмосфере дороги, где в зной почти не было видно ни машин, ни повозок, кроме рейсового автобуса, делающего здесь всего две остановки за весь световой день.

Автобус показался из-за поворота весь в дыму и затормозил в метрах десяти от поста. Из него вышел рослый мужчина лет сорока-сорока пяти с чанта² в руке. На скуластом строгом лице его, едва он ступил на обочину, сменилась гамма чувств – от радости до тревоги. Напряжение в глубоко посаженных глазах от нескольких вздохов спало. Но продолжая дышать полной грудью здешним воздухом, по которому, видимо, соскучился, приседал, разминая от долгой езды ноги, будто проверял саму землю на прочность.

Все это время лейтенант, заслонив ладонью козырек фуражки от солнца, всматривался в приезжего. Узнав его, с тревогойглянулся на тропинку, откуда должен был с минуты на минуту появиться охранник со свинymi лапами – ему явно не хотелось, чтобы сошедший с автобуса стал свидетелем получения им мзды.

Мужчина, не обращая внимания на стоящих у поста, присел, приложился лбом о землю, прочитал дуа³, как принято у паломников после долгой и опасной дороги домой:

– Аллахумма, инни би-Кя мин васаи-с-сафари...⁴
Затем развязал чанта, вынул такие,⁵ разглядил ее и надел, прикрыв седину на затылке.

– Что он делал? – удивленно спросил сержант.

– Молитву читал... Народ отсталый..., – скрипил губы лейтенант, и едва успел выразить возмущение, как мужчина уже направился в его сторону.

– О! Сапрыйкин Сергей!⁶ – приветствовал он лейтенанта с легкой ironией в голосе. – Поздравляю! За полтора года пока меня не было дома, вижу, вы высажились из старшины до старшего лейтенанта... Сколько еще наших крымских вам удалось выселить из домов...? – И пока мужчина приближался к Сапрыйкину, всматриваясь в погоны на его плечах, тот нашелся, что ответить:

– Я тебе не Сергей, а Сергей Васильевич. Мы с тобой на брудершафт водку не пили... Да, пока другие шлялись по тюрьмам, мы служили верно народу. – Встал рядом с постовым, ища его одобрения.

– Ну, да! Простите – забыл, мы здесь не народ, а чужаки... Всего доброго! – Слегка пригнувшись, мужчина поклонился.

– Ты перед кем ерничашь? Перед представителем закона? Ну ладно, до скорой, – угрожающе подчеркивая каждое слово, сухо ответил Сапрыйкин и повернулся спиной к мужчине, переходящему дорогу.

– Кто этот татарин? – поинтересовался постовой, вертя в руке жезл.

– Муса Мамутов, – произнес он. – Обычный уголовник, живет здесь незаконно, за что засадили его в Кременчугскую колонию, за шестьсот километров подальше от Крыма, а жене дали два года условно... Думали, сгниет он в лагере, забудет сюда дорогу. – Мрачно кивнул Сапрыйкин в сторону домов села,

вплотную выстроенных у шоссе. – Поселился в Донском⁷ по улице Комсомольская в 136 доме. Запомнил? Следи за ним: куда идет и зачем? Останавливай: будь он в машине, в повозке или на мотоцикле...

– У татарина есть мотоцикл? – Поинтересовался постовой, поправляя жезлом фуражку.

– Слушай! – прервал его Сапрыйкин, – сбегай-ка на тропинку вниз, узнай, в чем задержка... А я покамест подежурю... – И в нетерпении обошел вокруг здания поста, обклеенного объявлениями: «Продаются дома в селах Мазанка, Донское, Дмитрова. Татар просим не беспокоить». «Татар просим не беспокоить», – в рассеянности повторил Сапрыйкин, наблюдая вслед за уходящим сержантом.

II

«Вот дом вечный... Мы даруем его тем, кто не желает возвыситься на Земле и не сеет смути». «Коран, сура «Аль-Касас» (из прочитанной Мусой молитвы)

Муса, чувствуя, что давний его оппонент Сапрыйкин наблюдает за ним, твердым шагом шел к дому, один угол которого, сложенный из ракушника и дерева, выходил к дороге. И чтобы попасть к себе, надо было обогнуть длинный, огораживающий колхозный забор, над ним с первыми петухами и до темноты неотступно кружились вороны и голуби, соревнуясь между собой в поисках зерна.

Чтобы быстрее встретиться с домочадцами, Муса ступил на тропинку, ведущую коротким путем во двор к одиночно живущей соседке Афросии Мезенчук. Однако, несмотря на негласный запрет, после долгих мытарств в поисках жилья Мусой, и продала ему половину дома, за год до его ареста.

Мезенчук была чуть ли не последней из рода православных, живших в Крыму с Екатерининских времен, и, будучи свидетелем войны и высылки крымских татар, всегда спорила с соседками-кумушками, сидя у ворот на лавке:

– Зачем возводить напраслину на татар? Они также воевали с фрицами, как и мы, не хулиганили, не насилиничали... Сталин во всем разберется и вернет их обратно... Так что не смеите заходить в их опустевшие дома. Зарыться на чужое – грех великий!

В последнее время, слабеющая телом Афросия, почти не выходила из дома, по второму-третьему разу листая уже обветшалые страницы Библии, вчитываясь в убегающие строчки текста, приставив к еще зрячemu левому глазу стекло очков.

Услышав, как хрюпала дворняжка, высунувшись из будки, старушка, с трудом переступая через порог, полусогнутая, опираясь на трость, вышла из хаты и, разглядев в пришедшем Мусу, плеснула руками и перекрестилась:

– Боже праведный, Миша вернулся! Ведь не зря сказал сын Божий Иисус: блаженны плачущие, ибо они утешаются, блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. – Почти одновременно с ее удивленным возгласом дворняжка завиляла хвостом, узнав соседа.

– Как вы, баба Фрося? – Муса дотронулся до ее плеч. – Вижу в полном здравии...

— Да в каком полном, и половины здоровья не осталось. Все выдуло куда-то с теплом и бабьей силой, — говорила она через паузы, подкрепляя свои слова движением бровей и руками. Перевязав на голове цветастый платок, почти заговорчески шепнула: — А твои то знают? Вот обрадуются...

— Не знаю, дошло ли письмо..., — Муса пошарил рукой и достал из чанта кусок ржавого хлеба из лагерного пайка на дорогу и протянул дворняжке, которая тут же ската хлеб между зубами. И, перешагнув через низенький плетеный из ивовых прутьев забор,ступил к себе во двор.

Двор был весь в клубах пыли, и слышен широк метлы. Муса с детства приученный отцом Ягъя-ага к порядку и педантичности во всем, первую минуту был удивлен: кто это из домашних подметает сор, не уложив землю под ногами?

По баш явлукъ⁸, в котором любила щеголять старшая дочь, отец узнал Диляру.

Услышав позывной кашель, Диляра оглянулась и бросилась к отцу. Тихая, не любящая высказывать излишние эмоции, она прижалась к груди Мусы тяжело дыша:

— Баба! Баба кельди⁹! — И не зная, как еще выражать обуревавшие ее сложные чувство радости и горечи от всего пережитого за время его отсутствия, с трудом выговорила:

— Агълайджагъым келе...¹⁰

— Куледжегим келе!¹¹ — поглаживая дочь по голове, передразнил ее Мусса. Заметив, как Диляра изменилась за прошедшие полтора года, подумал: «Уже невеста...».

— Из-за пыли столбом я сразу и не узнал тебя, — продолжал Муса полуслугливым тоном.

— Нам воду перекрыли и свет. — Диляра, словно чувствуя за это собственную вину, поступила взор. — Сказали, чтобы уезжали отсюда... Не писали вам, баба, чтобы не расстраивать...

Муса слегка побледнел, скав губы, и махнул рукой:

— Ну, это мелочи жизни... А где остальные?

— Мама отправилась в степь за шиповником, Сабрие и Юнус за водой к роднику...

Еще раз внимательно, в деталях, осмотрев двор, где Муса посадил яблоню и ореховое дерево, едва обзаведшись домом, а между ними — розы, тюльпаны, выглядевшие сейчас поникшими без обильного полива.

Заметив, что отец направился внутрь дома, Диляра побежала вперед, пододвигая к порогу кожаные башмаки — нест, в которых он обычно ходил в комнате. И только сейчас, когда отец шагнул через порог, Диляра почувствовала такое облегчение, словно тяжесть, давившая все долгие дни и месяцы, отпустила душу.

Муса даже в самых трудных, почти не разрешимых обстоятельствах, связанных с возвращением семьи на родину, — всем своим видом, походкой, тембром голоса внушал домашним чувства защиты и уверенности. И в большей мере это вдохновляло сына Юнуса, который в его возрасте во всем пытался подражать отцу. Когда они шли по улице, Юнус в своих мальчишеских грязах неизменно воображал себя в роли телохранителя. Забегал вперед, высматривая, есть ли опасность за углом или в темном месте, что радовало и забавляло отца. И особенно остро переживал Юнус за отца, когда одиннадцатилетним вместе с семьей вернулся в Крым, где, как оказалось, их никто не ждет, более того, пытаются выжить их обратно на чужбину.

Зная о приметах и обычаях, о которых поведала ей с младенчества мать, и среди них — после долгого отсутствия человек должен снова войти безупречно чистый дом, Диляра, ступая на шаг перед отца, смахивала пыль со стола, кровати в комнате, служившей детям и спальней, и кабинетом, где они делали уроки.

Муса, испытывая волнение от знакомых запахов, привычного света детской, задержал шаг, чтобы поправить слегка перекосившуюся рамку на стене с семейным фото. Вся многочисленная семья в сборе, когда фотограф на миг остановил счастливое время в родовом доме села Узунджа. Всякий раз, когда Муса всматривался в потемневшее от времени фото, гамма чувств переполняла его сердце, радость детства и горечь утрат. А ведь не будь изгнания, сидевшие на стульях на фото — отец Ягъя, мать — Хатидже — были бы живы и сейчас, в благородном возрасте старости, как и стоявшие по бокам от них — братья и сестры, которых Муса похоронил вслед за родителями на чужой земле. И с ними он, двенадцатилетний отрок, с серьезным уже взрослым взглядом, в короткой овчиной куртке — къысъка тонъ — с кушаком: к нему крепился нож и сумка — полный набор башибузука.

Снимок, помнится, сделан за год до изгнания. С отцом Муса простился на сельском кладбище с. Баяут, близ города Мирзачуль, затем в Янгиюле следом ушла и мать, так же, как и муж, не достигшая шестидесятилетнего возраста. Они в самые первые годы ссылки предали земле тела двух сыновей и двух дочерей, умерших от голода и малярии. Только Аллах знает, каково родителям хоронить своих детей! И таких родителей Муса знал в одном лишь Баяуте больше четырех десятков.

Из всех, кого заснял фотограф, в живых он, двое братьев, также давших клятву вернуться на родину следом за старшим — Мусой.

Братья шутили, прощаюсь с ним на вокзале:

— Недаром тебя назвали именем пророка Мусы... Чтобы ты вывел своих братьев из плена фараона Сталина... А за нами последует и весь народ... Бизге душман олгъян падишаҳларгъя Аллах инсаф берсин, — шептал Муса. — Бизлерге де Ватангъя къайтмагъя къысмет этсин...¹²

Сейчас он хозяйственным взглядом осмотрел стены и потолок комнаты, где пятнами осыпалась штукатурка — там они ютились вместе с Зекие. Задернув на окнах занавески от солнца, Муса переоделся и снова вышел во двор. Среди множества отговорок в сельсовете, не желавшем узаконить его пребывание в Крыму, был и такой, мол, по санитарным нормам семье из пяти человек запрещено жить в двух маленьких комнатах.

— Какая трогательная забота о нашем здоровье! — попытался иронизировать Муса, услышав этот довод от председателя совета Сафонова. — Но мы закаленные. В ссылке теснились в одной комнате бара-ка десять человек. Как видите, выжили... В доме, купленным мною, могу пристроить еще три комнаты. Площади хватает...

Лишь ближе к вечеру, когда Муса в задумчивости бродил по двору, внимательно разглядывал землю и старательно мял глину меж пальцами, услышал за спиной восторженные возгласы Зекие и детей, хором воскликавших:

— Акъшам шерифлернъиз хайырлы олсун,¹³ — со провождавшиеся обьятъями и поцелуями.

Волнение не улеглось даже тогда, когда сели за ужин. Зная, что Муса не любит рассказывать о своих злоключениях в лагере, Зекие, словно смущаюсь чего-то, обмолвилась:

— На все, что дал мне перекупщик за корзину шиповника, купила немного творога и буханку ржаного хлеба.

— Мама, как партизан. Знает, как тайными тропами добираться в Акъмесджит на базар. — Юнус с момента встречи, не отводящий восторженного взгляда от отца, прижался к нему плечом. — И никто не догадывается, что ей, условно осужденной, нельзя выходить за пределы дома... Уверен, сама Алиме Абденнанова¹⁴ взяла бы ее с собой в разведку...

«Как невзгоды взрослят детей», — подумал Муса и еще раз внимательно посмотрел на сына с дочерью и Зекие.

Даже радостное переживание от сегодняшней встречи не сгладило на ее лице усталость.

«Аллах мне дал хорошую жену и мать», — не впервые думал Муса. — Без ее смекалки и доброго нрава дети у себя на родине умерли бы от голода, как мои братья и сестры в Баяуте....».

Чтобы разбавить беседу чем-нибудь отвлеченным от нынешних забот, Муса сказал:

— Знаете, дети, пророк Муса (мир ему!) в пустыне питался растениями, из которых толкнут в ступе манную крупу, а наш пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха!) съедал в день лишь несколько фиников и насыпался...

Близко к полуночи Зекие тихо прошла в комнату детей. Вернувшись к кровати, прошептала Мусе:

— Обычно они долго не могли заснуть даже при зажженной керосиновой лампе... Впервые все уснули крепким сном, зная, что их отец за стеной. А Юнус, тот вообще улыбается во сне от счастья...

III

«Скажи: «Вот стезя моя... Мы знаем свой путь — я тот, кто за мной последуют».

(Коран. Сура «Иусуф», прочитанная Мусой Мамутом)

Зато Муса так и не смог сомкнуть глаз. Казалось бы, первая ночь на свободе, усни с улыбкой на лице, как твой сын. Но — нет! Размышляя, пытаясь предугадать, что еще придумает Сапрыкин и иже с ним, чтобы сделать жизнь семьи невыносимой? Впрочем, лейтенант Сапрыкин — лишь пешка в этой изнурительной борьбе с беззаконием. Иной раз Муса замечал на его лице усталость: «Да мне все это безразлично — татарин приехал или мордвин», но всякий раз чувство долга, замешанное на лжи, на бессердечии заставляло бросить в лицо возвращенца бодрящее в споре: «Как ты разговариваешь с представителем власти!?

За год с лишним здесь, до заключения в Кременчугский лагерь, Муса успел изучить все нехитрые действия власти — предупреждения, угрозы, штрафы, аресты на две недели — таков путь к повторному тюремному заключению.

Муса взял себе за правило и здесь, и в ссылке в Баяуте, где жил в первые годы изгнания с родителями, сестрами, братьями, затем в Янгиюле, где женился на Зекие, в Чирчике, откуда отправился назад, в Крым — в этом круговороте мест и местечек на чужбине — никогда, ни при каких обстоятельствах не показывать перед родными, друзьями ни тени тревоги и растерянности, вызываемая упорство и целеустремленность.

Вот и сейчас, если в его отсутствие власти пошли

еще на одну пакость — оставили семью без света и воды в такую знойную жару — надо найти выход, не давая повод домочадцам для уныния.

Еще накануне, пока не стемнело, Муса обошел двор, заглядывая в каждый угол. На месте, где надо выкопать колодец, указывают особые приметы. К примеру, муравьи. В палисаднике муравьи тянулись друг другу навстречу вверх-вниз по стволу орешника. Еще комары выются там, где неглубоко тянется водяная жила. И с серым брюшком степные ленивые мухи назойливым жужжанием будто норовят вытянуть влагу из-под песчаника.

Приметы эти Муса узнал от отца Ягъя-агъя, гонявшего овец и лошадей в поисках воды, и в засушливый год в Узундже рыл колодец не только себе, но и односельчанам.

Вот и сыну пригодилась наука отца, когда в изгнании вместе с таким же ссылочным — Ниязи Меметовым — нередко подрабатывал, сооружая колодцы в узбекских дворах.

Пластами срезая покрытую соляной коркой землю, изгнаник ощущал непривычные поначалу запахи, настоящие на травах чужого края. Это будоражило его память, возвращая к детским годам.

Отец разжигал костер вокруг свежевырытого колодца из корневищ, извлеченных из податливой земли. И наполнив бадью, плескал студеную воду вокруг пламени и на вопрос удивленного Мусы: кого он выплескивает вместе с водой из темного колодца, отвечал то ли в шутку, то ли всерьез:

— Учь башлы дев...¹⁵

Мусса, зачарованно глядя на огонь, пытался разглядеть лицо водяного дива в пляске пламени. И видя, как пламя расползается, пожирая траву, мучился загадкой: чувствует ли трава, что горит, а птица, случайно опалившая крылья, а человек? Или что-то собирается в объятом пламенем человеке, что заглушает боль и страдание?

Много времени спустя, уже на чужбине, эти детские фантазии неожиданно обернулись жуткой картиной на берегу реки Чирчик.

В последние два года, до решения вернуться в Крым, Муса был мирабом¹⁶ — смотрителем берегов реки, откуда по арыкам уходила влага на хлопковые поля. В жаркие месяцы воду пускали по ним только по ночам и лишь по свету луны можно было видеть, не затопило ли поле с еще не созревшими кустами и вовремя закрыть шлюзы.

Хлопоты по работе успокоительно сглаживались на рассвете в минуты отдыха звуками реки — от шума по каменистому дну до еле слышного, похожего на свист невидимой птицы, встречающей первые косые лучи солнца.

Были хлопоты и поважнее. Местные селяне умоляли пустить в их сады и огороды больше воды, пытались подкупить мираба и его помощника из местных Мумтаза связкой дынь или мешком картошки, и, видя непреклонность Мусы, даже угрожали расправой...

Мумтаз, с добродушного лица которого никогда не исчезала улыбка, чтобы показать свою храбрость и значимость, ездил на вечно спотыкающемся на половину облезлом одногорбом верблюде, понукая его криками:

— Халь! Халь!

Пожалуй, это был единственный верблюд во всей округе, и без своих сородичей он дряхлел на глазах и с трудом выдерживал обоих, когда Муса садился впереди Мумтаза, прижавшись телом к горбу.

Мумтаз, женившись на казашке, перебрался сюда из Бухары и часто ностальгически вспоминал город и разные истории, связанные с ним.

Рассказывал про некоего соседа, кособокого Уктума, любившего ходить по кварталу и буквально вынюхивать, кто в каком доме находится на последнем издыхании. Услышав скорбные плачи домочадцев, кособокий первым забегал к ним с соболезнованием, чтобы успеть закрыть глаза покойнику, получая от этого некое вдохновение.

Ностальгировал Мумтаз по своему городу, частенько проезжая с Мусой вдоль берега реки, покачиваясь на верблюде, будто ленивый шаг животного теребил его память.

— Халь! Халь! Не знаю, как в других местах, но Бухара в годы войны пережила настоящее переселение народов... Сначала к нам привезли евреев из Польши, спасавшихся от немцев. В каждом доме поселили по одной, а то и по две семьи. У нас три беженца заняли комнату внизу, а один был священник ихний — ксендз, странный, нелюдимый, поднимался к себе в болохону¹⁷, избегая встречи со своими земляками... Хваткий народ, не долго думая — сразу за дело — кто-то ювелиром, а кто-то шил хромовые сапоги, такие которые носил Сталин, для местного начальства, были и часовые мастера... У меня сохранилась и фотография, сделанная в день их отъезда. Отец — Исхак, матушка — Ризван, братья и сестры, как сейчас помню их имена, — София, Давид и сын их — Абрам... Ксендз сбежал, не хотел фотографироваться. Замечу, многим переселенцам из Польши кто-то понравилось у нас, что хотели остаться навсегда. И в каждом слове благодарили Стalin, прося у него защиты, — рассказывая все это, Мумтаз чмокал губами, будто от воспоминаний во рту

у него становилось сладко. –Спустя пару лет после войны завезли к нам греков. Говорили, что их преследуют «черные полковники», захватившие в стране власть... Переселенцы, как я понимаю, были коммунисты с семьями. Эти тоже, хотя и были идеиними, сразу же ударились в доходное дело: скупали дома, слегка подкрашивали их и перепродаивали. Почти все они перебрались в Ташкент – город хлебный и по сей день не хотят возвращаться на родину, – Мумтаз лукаво глянул на Мусу, желая сделать приятное бригадиру, и после паузы, продолжил:

– Я много думал: почему вы, крымские, за столько лет не приняли сердцем нашу землю? Были и такие, кого едва выгрузили из вагонов, а они не, обустраиваясь у нас, старались сразу вернуться в Крым... Что тянет и сейчас? Наверное, не только море, родные горы и благоухание цветов... Вот моя казашка жила в юрте в степи, где за сотни километров нет ни дорог, ни селений. Одни верблюды, моего я пригнал, посадив не ее жену. Первое время она хворала от смены климата, но потом привыкла... И когда я иногда ей угрожаю, что сделаю таляк¹⁸, когда она въедается мне в печеньки, угрожаю: вернешься к себе в юрту, а она в ответ показывает мне фигу... Несправедливость. В отношении вас совершина великая несправедливость... Это мучает душу – и не позволяет крымцам ни на минуту забыть дорогу домой...

Муса, слушая душевиляния Мумтаза, думал: как резко изменилось за прошедшие три десятка лет отношение местных жителей к крымским татарам – от враждебности и неприятия чужаков, до сочувствия и сопереживания к их горю. Шли друг другу навстречу два народа с единой верой, схожестью языка и обычая. Учились у узбеков терпеливо переносить невзгоды: «Сабр таги сар олтын»¹⁹. Местные же среди многих достоинств ссыльных отмечали их умение упорно идти к цели и крепость духа.

Мумтаз, втолковывая односельчанам, спорящим с миром из-за воды, недовольным его упрямством и неподкупностью, часто использовал выражение, услышанное из уст самого Мусы:

– Ташны сыкьса, сувуни чыкъарып.²⁰

Мумтаз хотел было продолжить рассказ о переселении народов, но вдруг крикнул, спрыгивая с верблюда.

Верблюд, почувствовав облегчение, согнулся передние ноги, помогая озадаченному Мусе встать на землю.

Мумтаз бросился навстречу женской фигуре, обнявшей пламенем, бежавшей, спотыкаясь и падая по мосту с правого берега реки. Казалось, вихрь огня, поддуваемый ветром, поднимает ее столбом кверху.

Первое мгновение от неожиданности покачнулся, прислонившись к дереву:

– Сестрица! Что Вы наделали?! – Мумтаз бежал, размахивая руками, словно пытаясь сбить пламя.

Женщина, поскользнувшись, упала в воду, барабатаясь в поднятой волне.

Мумтаз нырнул за ней следом и, схватив женщину за руку, подплыл обратно к берегу.

Какой-то подросток, рыбачивший, спрятавшись в камышах, пытался ей помочь. Подоспел и старик, рыдая, с одеялом в руках.

На сущее с тела женщины вместе с обуглившейся одеждой, лентами сползала кожа.

– Доченька, что ты наделала?! – Старик, упав на колени, накрыл ее одеялом. – Это грех перед Аллахом... Ты не подумала о детях, о своих престарелых родителях... Погубила свою душу, дарованную тебе Аллахом для благих дел...

Женщина-факел так впечатлила Мусу, что в первые дни увиденное чудилось ему, когда приходил к берегу реки... Чтобы избавиться от наваждения, попытался поделиться случившимся с Зекие, но она запротестовала:

– Не рассказывай! – и не найдя себе места, ходила из угла в угол комнаты.

Хотя она была наслышана, что среди узбечек бывают случаи самосожжения – от позора изнасилования, побоев мужа, от безысходной бедности и чувства вины, что не может прокормить детей, но услышанное из уст мужа задело ее не меньше, чем самого Мусу...

IV

«Как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не связует сильного...?»

(Из прочитанного в Библии Афросией Мезенчук)

Первым стук, доносящийся со двора, услышал приснувшийся Юнус. Вздрогнув, он сел на кровать, простирая глаза, чтобы понять: что это?

С того дня, как вселились в этот дом, наполовину обветшалый, с прохудившейся крышей и перекошенными окнами и дверями, Юнуса и сестер путал любой посторонний шум за стенами. Всякий раз им казалось, что вот снова Сапрыкин с дружинниками ворвется во двор с угрозами выселить всех из дома и под конвоем отправить назад, в Узбекистан. Матери же с отцом угрожал тюрьмой, когда Мусса, стараясь быть невозмутимым, отвечал:

– Никуда не уедем, мы у себя на родине!

Независимый тон Мусы еще больше раззадоривал лейтенанта, и он продолжал в который уже раз рассуждать о законе и порядке, примешивая угро-

зенчук не расставалась, даже выходя из дома, прижимая книгу, как нечто спасительное, к груди, соседка промолвила:

– Ничего все наладится – и свет будет, и вода, и хлеб на столе, когда народ твой потянется за такими смельчаками, как ты... Ведь написано: «И сказал Моисей родственнику: мы отправимся в то место, о котором Господь сказал...», тот ответил: «Я пойду в свою землю и на свою родину...» – И погладила дрожащими пальцами черный переплет Библии. – Это о тех изгнанниках, как ты... Скажи, Миша, наверное, нечто подобное сказано и в вашем Коране?

Муса напряг память, вспоминая, и процитировал суру «Аль-Араф»:

– Знатные люди из народа Фирауна сказали ему: «Неужели ты позволишь Мусе и его народу распространять по земле нечестие?» Он сказал им: «Мы будем убивать их сыновей... Мы обладаем непоколебимой властью над ними...». Господь внушил Мусе откровение: «Ночью отправляйся в путь с моими рабами и проложи для них по морю сухую дорогу...» Фираун с войском бросился преследовать их, но море покрыло их полностью... – Муса сделал паузу, посмотрев на Мезенчук, слушавшую его с закрытыми глазами, будто представляла себе картину морского перехода возвратившихся, и вздрогнула, когда Муса пояснил:

– Фираун – Фараон по-арабски...

– Да, да, – заговорчески прошептала соседка. – Фараон – это тот усатый горец, который наверху, который вас изгнал. – И перекрестилась, как будто на нее нашло озарение.

Отношение к «усатому горцу» у нее менялось по мере того, как память на недалекие события стиралась вместо ярких воспоминаний о пережитом в давнем времени. Если в первые годы после войны Афросия убеждала кумушек: Сталин не ведает о высылке крымских татар и, узнав,накажет совершивших злодеяние и вернет всех обратно в Крым. Но в последние годы она часто вспоминала об отце, как его раскулачили и сослали в студеную Сибирь, пока прочла в Библии историю Фараона – «карту египетскую» и пленного народа Моисея. Так Фараон из пирамиды Хеопса превратился в ее сознании в «усатого» за Кремлевской стеной...

– Пока тебя ироды держали в тюрьме, – вдруг отошла от отвлеченной беседы соседка, – у меня колодец залился...

– Я так и подумал... Иначе мои не ходили бы за три километра к ручью... Закончу здесь и займусь вашим...

Мезенчук хотела еще что-то добавить про засушливое лето, но память снова окунула ее в Священный текст:

– Ты сильный, Миша... О таких, как ты, сказано в Евангелие: «Как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильно...», – и повернулась обратно к себе, не желая отвлекать Мусу от работы. – Не свяжет тебя, Монгол... Они лишь блефуют...

Почти с первого дня знакомства соседи прониклись друг к другу доверием. Афросия поставила условие на продажу части дома, где жил сын с женой, уехавшие искать лучшую долю в Киев:

– Чтобы сосед не был пьяницей, лентяйкой и фанфароном, хотя сразу поняла: не может быть пьяницей беспробудным, а тем более фанфароном человек, почти месяц с семьей искающий жилище в окрестных селах, где было много пустующих домов на продажу, но с непременной оговоркой – «татар просят не беспокоить».

Муса и Зекие, чем могли, помогали по хозяйству одинокой старушке, часто хворавшей.

А тут еще Муса и его семейство в чем-то казались живыми персонажами из ветхозаветных времен – по судьбе изгнанников и терпящих угрозы и невзгоды возвратившихся.

– Не будь я всю жизнь учительницей по биологии, непременно занялась бы изучением Священных Книг, чтобы доказать маловерам-атеистам, что Иисус Христос – не выдуманное лицо, а реальный, во всей своей плоти..., – призналась она как-то Мусе и на его вопрос: поймут ли маловеры? – отвечала почти по Достоевскому:

– А иначе как?! Если Сын Божий не следит за каждым нашим шагом, значит – все дозволено?! И разбой, убийство, разрыв...

А о Зекие старушка как-то сказала:

– Пока ты, Миша, сидел под присмотром злодеев-надзирателей, я одним глазом следила за твоей женой... Идет, бывало, по улице, а навстречу русский или татарин – опустит голову и пройдет, поздоровавшись... Как будто о ней выразился в притчах Соломон: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчуга. Уверено в ней сердце мужа, и он не останется

зы. И Юнусу, в страхе наблюдавшему за перепалкой из окна, казалось, что Сапрыкин так враждебно настроен не к тем, кто вернулся на свою землю, а к непонятным существам в скафандрах с Марса или Луны. Так он детскими фантазиями старался приглушить беспокойство за отца.

Особенно тяжкими для семьи оказались последние полтора года, когда Муса был сослан в Кременчугский лагерь, куда письма доходили раз в два месяца. И Юнусу, приручившему во время школьных каникул белохвостую сороку, которая клевала из его рук и любила взлетать к нему на плечи, казалось: пока идет от отца письмо с неволи, птица могла бы трижды облететь земной шар.

Юнус особенно страшил своим видом один из дружинников, сопровождавший Сапрыкина, по кличке Монгол, с раскосыми глазами на одутловатом от частого пьянства лицом. Видя, что у Сапрыкина слабели аргументы в споре с Мусой, Монгол, шагнув вперед и угрожающе вытягивая губы, вставлял:

– Да что с ним канителить?! Связать по рукам и ногам – и на вокзал в телячий вагон...

И так живет семья под угрозой выселения с первых дней весны 1975 года, когда соседка Мезенчук, несмотря на строгий запрет, продала часть дома.

Увидев, что отец орудует лопатой, копая яму, недалеко от палисадника, Юнус, спрыгнул с кровати, облегченно вздохнув и сообразив, чем тот занят, выбежал во двор:

– Колодец! – обрадовался и, чтобы показать, что отец не зря учит его родному языку, повторил: – Кью! Кью! Чем Вам помочь?

– Пока ничем. Вот уйду в яму до плеч, поможешь вытащить ведром глину. – Муса прижал ногой лопату к земле и посмотрел на сына и, уловив в его взгляде уныние от ежедневного хождения с сестрами за водой далеко, в степь, добавил: – Недолго вам осталось таскать на себе воду из ручья... Даю слово...

Юнус, взбодрившись, прыгая на одной ноге, поскакал в дом.

Следом на них посмотреть на работу Мусы пожаловала и соседка.

– Какой же ты неугомонный, Миша... Не успел, как следует отдохнуть, отдохнуться, и снова за дело...

– Что поделаешь, тетя Фрося... Вода – жизнь...

Привыкшая во всяком деле, даже незначительном, находить созвучие в Библии, с которой Ме-

Али Трасинов

ся без прибытка... Уста свои открывает с мудростью и кроткое наставление на языке ее...

Баба Афросия как ступила к соседу во двор, без лишнего шума, так и тихо ушла, в очередной раз найдя во всем увиденном и услышанном от Мусы переклички с библейскими мотивами. Даже сорока, сидевшая на плече у Юнуса, напомнила ей слова из Евангелия:

— «Взгляните на птиц небесных: они не сеют и не жнут, и не собирают в житнице; и Отец Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их..?»

Эти же гости еще за воротами громко шутили, возбужденные в предвкушении встречи с другом, вернувшимся из заключения.

Вошедшие во двор Ридван и Айдер застали хозяина дома по пояс в яме.

Друзья долго не могли унять волнение от встречи — обнимались, хлопали друг друга по плечу. И чтобы успокоиться, по традиции уселись под айваном и хрюкали голосами запели.

Сочиненная безымянным переселенцем из крика души изгнанных с родины, она стала народной песней, и каждая группа поющих подбирала к ней свою мелодию, сообразно обстановке.

Вот и они, встречаясь в гостях друг у друга, напевая эти строки, тосковали по родичам, все еще находящимся на чужбине. У Мусы в Узбекистане оставались два брата, у Ридвана — сестра и дядя, у Айдера же — восемидесятилетний тестя и двоюродный брат...

Заметив, что Ридван оглядывает двор, будто ожидая кого-то, Муса сказал:

— Мои все при деле. Зекие ушла в степь за шиповником, а дети — за водой к роднику... — И вынес из дома низенький столик — къона, который смастерил собственноручно, и поставил под навесом.

Ридван достал из сумки хлеб, груши, рассыпал в тарелку дольки ореха, смешанного с изюмом, и перед тем, как начать трапезу, погладил рукой покрытый лаком столик, любуясь его резными ножками. Он поражался неистовому стремлению Мусы и в купленном доме во всем создать атмосферу родового гнезда в Узунджи. Соорудил недалеко от навеса фурун-печь, желая, чтобы дети во всем — в быту, в одежде, в еде, манере вести себя ощущали вокруг национальную атмосферу, что поможет им среди прочего в совершенстве овладеть родным языком. В Узбекистане они вынуждены были ходить в школу с русским или узбекским языком обучения, а словосочетание «крымский татарин» первые два десятилетия вообще было запрещено упоминать даже в местных газетах и учебниках.

Прочитав дуа, приступили к скромной трапезе. Как и Муса, Ридван и Айдер с семьями жили впроголодь. Врача-стоматолога и бывшего техника авиационного завода здесь не брали на работу как незаконно проживающих в Крыму. Ридван и Айдер перебивались случайными заработками, занимаясь извозом на стареньком «Москвиче». Полная противоположность характеров помогала им уживаться без ссор и упреков. Ридван полнолицый, решительный не только в походке и жестах, но и в действиях, Айдер — высокий, худощавый, производил впечатление человека, которого все время что-то сдерживает, сковывает, оттого он и не говорит громко, и улыбается через силу.

Не успели друзья допить кофе, как ворота распахнулись. Во двор шагнул хмурый, истекающий потом лейтенант Сапрыкин с дружинниками, один из которых — Монгол в засаленной соломенной шляпе.

Делая вид, что не сразу заметил сидящих под навесом, лейтенант, посеревшими от жары глазами, внимательно оглядев двор, переведя взгляд по окнам дома, будто искал что-то запрещенное: ему чудилось, что во всех семьях возвращенцев припрятаны аппараты для перегонки спирта, продажей которого они якобы и сводят концы с концами.

— О, давно не видел вместе эту теплую компанию! — Сапрыкин всматривался в лица сидящих под навесом, желая понять: пьяны ли они?

Услужливый Монгол, который, говоря словами украинской поговорки, лез вперед батьки в пекло, приблизился к навесу и повел носом, при этом ноздри его раздулись больше его узких глаз.

Убедившись, что все трое трезвы, Сапрыкин строго сказал:

— Прошу — господа-товарищи ваши паспорта!

Дружинники стали по обе стороны айvana, тяжело дыша от духоты.

— Сергей, ты ведь на неделе проверял наши с Ридваном документы у поста ГАИ, — напомнил Айдер, нехотя доставая из кармана паспорт.

— Я тебе не Сергей, а Сергей Васильевич, — повторил Сапрыкин свою любимую присказку, считая ее очень остроумной, — мы с тобой водку на бру-

дершафт не пили. — Так, умник Джемалетдинов Айдер... нет штампа, Незаконно проживаешь в Донском... Чарухов Ридван — также незаконник, — Листая паспорта, он почему-то говорил тихо, но угрожающе, как будто его тон должен действовать безотказно. — А ты, Мамутов, вернулся из мест, не столь отдаленных, еще не успел сходить в сельсовет. Так ведь — не успел?! А вас двоих — Чарухов и Джемалетдинов могу сейчас же доставить к следователю. И он решит: назначить вам очередной штраф или же завести уголовное дело, как было это с Мамутовым... неужели вам, господа-товарищи, самим трудно явиться в паспортный стол, — издевательским тоном продолжил лейтенант, прекрасно осведомленный, что такое хождение ничего хорошего не сулит возвращенцам. — Ждете, пока паспортистка сама к вам явится с поклоном, мол, дорогие татары, узаконьте свое местожительство в Донском, как законопослушные советские граждане...

дев в лагере... никогда и никому не буду платить мзду за право жить здесь и умереть...

— Ладно, эта тема снята с повестки, — Ридван поднялся и у самых ворот еще раз обнял Мусу....

V

«Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?»

(Из прочитанного Афросией Мезенчук в Библии)

Сапрыкин заглушил мотоцикл у сельсовета — длинного, одноэтажного, серого здания, где, кроме кабинета председателя, размещался опорный пункт милиции с паспортным столом, изба-читальня, клуб и медпункт с парикмахерской.

Массовик-затейник клуба гитарист Петро с изяществом фокусника водил кистью, раскрашивая выцветшие буквы на большом щите у входа в помещение.

Обращение, висевшее здесь не один год и время от времени терявшее от смены жары и холода привлекательность, было обращено к переселенцам, но не тем, кто возвращался к себе на родину, а к оставляющим свои края, чтобы перебраться в Крым, в пустующие дома крымских татар.

«Товарищи колхозники и колхозницы, торжественно гласило оно. — Переселяйтесь в богатую и плодородную Крымскую область», — обновляя яркой краской строки массовик-затейник. И далее: «С 1951 года проводится переселение колхозников в колхозы Крымской области. Переселение проводится из числа трудоспособных и добросовестных граждан, имеющих в составе семьи не менее 2-х трудоспособных лиц. Колхозникам, переселившимся в Крымскую область, правительство Союза ССР предоставляет следующие льготы и преимущества».

Далее шел перечень льгот и преференций, коих насчитывалось одиннадцать: бесплатный проезд, провоз багажа и скота, выдача единовременного пособия в размере 800 рублей на главу семьи и по 300 р. на каждого члена семьи, заселение в свободные жилые дома с дворовыми постройками и приусадебными участками... Дойдя кистью до этих строк, массовик-гитарист почувствовал головокружение от резкого запаха краски, присел, почкачиваясь на лавку.

Поравнявшись с ним, Сапрыкин закашлялся и грубо сказал массовику:

— Когда ты закончишь с этой галиматьей?

— Я бы рад, Сергей Васильевич, — вскочил с места майяр. — Однако же велели навести лоск... Николай Пантелеймонович сказали: сей плакат — витрина нашего сельсовета. Должен быть всегда ярким, привлекательным под стать колхозу-миллионеру, на чьей земле стоит наше здание...

— Очковтирательство все это, — проворчал Сапрыкин, продолжая кашлять от удущившего запаха.

Впрочем, у Сергея Васильевича, вместе с семьей откликнувшегося на всесоюзный призыв к благодатному воздуху и целебной морской воде, быстро наладилась служебная и личная жизнь. Наслушавшись злонамеренных слухов о татараках, якобы топивших в колодцах чужих детей во время войны, он поставил себе целью «отовсюду искоренять татарщину», позабыв о том, откуда произрастают его собственные корни. И лишь Афросия Мезенчук, желая защитить Мусу, напомнила Сапрыкину, что он и сам пришел из захолустной, разореннойвойной деревни под Воронежем.

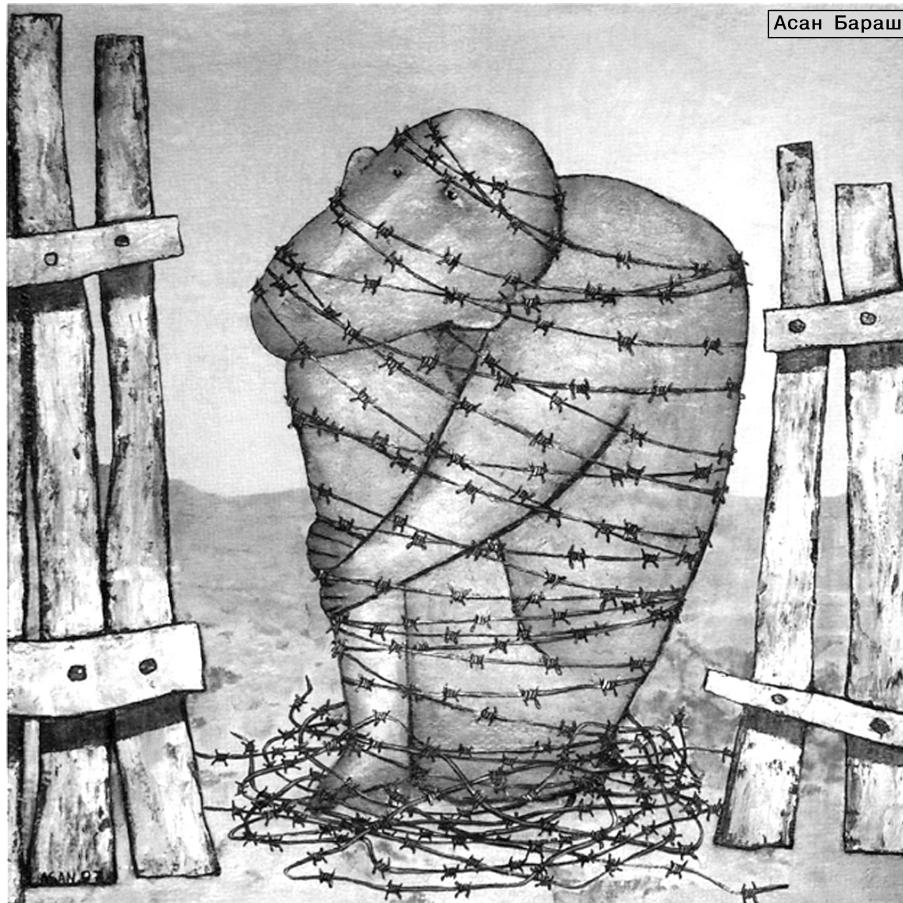
К тридцати семи годам всеми правдами и неправдами, выслужился Сапрыкин до звания старшего лейтенанта, чем неизмеримо гордился. А ведь в своем родном селе был бы он в лучшем случае свинопасом или почтальоном, топающим к адресатам по болотной слякоти, а зимой по колено в снегу.

Как и было обещано переселяющимся в «богатую и плодородную Крымскую область», Сапрыкины поселились в пустующем со времен высылки хозяев просторном доме.

По беспорядку в обстановке можно было догадаться, что гонимые прикладом в спину прежние хозяева в спешке забрали лишь самое необходимое в узелки и дощатые чемоданы. А все ценное — ковры-килимы на полу, одеяла и подушки, сложенные на сундуках и в нишах-камерах, встроенных в стены, медная и гончарная посуда на полках были разбросаны паутиной и покрыты слоем пыли... Вышитые вручную яркие узоры на полотенцах, рядами свисающие со стен, были изъедены въедливыми насекомыми.

С первых дней старший Сапрыкин чувствовал себя неуютно, среди всего, как он выражался: «чуждого татарского-мусульманского». Ходил даже в сельсовет, мол, нельзя ли вселиться в бесхозный дом с русской печью.

Аким Антонович Сафонов — бессменный председатель долго изучал список селян, прикусив кончик карандаша, и чуть было не обрадовал старшего Сап-

рыкина, заявив, что есть одна смешанная семейства татарина Идриса Кауры, не выселенного из-за русской жены. Попробуйте обменяться домами, хотя сей обмен маловероятен...

Сапрыкин-старший, чтобы изгнать «шаманский дух», стал перестраивать свой переселенческий дом на привычный деревенский лад таежной местности: заложил кирпичами камин с трубой – по-крымскотатарски – оджакъ – с повешенным к нему на цепи казаном. Ворчливо спрашивал: «Что, в камине татары рыбку коптили?», «А в чугунке на цепи, видно, мясо тушили...»

Дошла очередь и до сув долабы – ванной и душевой, пристроенной к спальне. Из нее новый хозяин замыслил соорудить хлев для скотины. Тем временем мать вместе с двенадцатилетним Сергеем выносили и бросали в костер во дворе съеденные молью овечьи и верблюжьи одеяла и сорванные со стен полотенца с вышитыми узорами. Огонь с треском пожирал и вынесенную из спальни деревянную расписную колыбель – бешик. Не знакомый с чужой жизнью и бытом, наслышанный лишь о злонамеренных кознях татар в войну, будущий лейтенант не мог вообразить: в этой колыбели лежал младенец, которого мать второпях обняла и побежала с ним к машине, увозящей ее с односельчанами на вокзал, а оттуда долгим, изнурительным путем в Узбекистан.

Переселенческий дом Сапрыкины огородили высоким забором, что родило в Сергея чувство хозяиника: «мой дом – моя крепость», попробуй-ка, татарин, сунься – отправим назад, в ссыльные края...

Призывной плакат, над которым колдовал с кистью массовик Петро, всколыхнул в Сапрыкине гамму чувств и посему, едва зайдя в кабинет председателя, задал вопрос:

– Аким Антонович, на шиша каждый сезон перекрашивать плакат? Мол, милости просим в богатую и плодородную...

– А чем он тебе глаза режет? – поерзал в кресле, поудобнее устраиваясь за столом, Аким Антонович, – Пойми, Сергей, плакат сей – витрина нашего сельского ветка по выполнению государственной программы.

Широкоплечий, с короткой шеей, начисто лысый Сафонов всматриваясь в хмурого Сапрыкина, спросил:

– Какие новости на милиционском фронте?
– Мамутов Муса вернулся, – нехотя молвил лейтенант.

Едва дослушав его до конца, Сафонов сжал кулаки на столе:

– Колос Клавдия Ивановна давеча проездом зашла на пару минут... Недовольная нашей с тобой работой... Упрекала, мол, тянете с высылкой татар из Крыма...

Сапрыкин удивленный пожал плечами:
– Бог ей судья... Грех на нас жаловаться... Лишь за прошлый месяц доставили на вокзал – и в путь! Семью Мамета Кайбуллаева – четыре души, Сейрана Идрисова – пять душ...

Сафонов, по всему видно, остался не очень довolen ответом лейтенанта, слегка съязвил:

– Ты все – бог, грех... Небось тебя бабка Мезенчук втянула в библейский омут. – Но тут же, смягчив тон, переменил тему: – Говоришь, Мамутов вернулся? Чем занят?

– Колодец роет... Воду и свет отключили им по вашему приказу, Аким Антонович,

Сафонов в задумчивости обхватил тяжелый подбородок ладонью.

– А кто обещал: едва Мамутова засадят в колонию, там с ним разберутся, да так, что он больше не выйдет живым и здоровым. Клавдия Ивановна давно взяла его дом на заметку и даже нашла покупателя... И что? Что теперь?

Сапрыкин поскреб ногтем стол.
– Его голыми руками не возьмешь... Мамутова земляки в лагере дали нашим отпор...

После тягостной паузы Сафонов снова сжал рука-ми подбородок:

– Да, не тот народ нынче собрался в колониях – хилые, сифилитики, петухи²². Запомни, заметишь в парной баньке мужика с татуировкой на спине: голая женщина, окольцованные змеи, – значит, был петухом там... Когда меня, молодого красноармейца по ложному доносу тестя из-за развода с его дочерью обвинили в связях с троцкистами и посадили, – были настоящие воры в законе, не то, что сейчас – почетное звание покупают за деньги, чтобы казаться крутыми... Слушай, может из колхоза экскаватор пригнать к дому Мамутова и снести крышу к чертам! Как давеча разрушили стену дома такого же татарина – Сейтмета Сейтвели в селе Горлинка. И в селе Калиновка таким макаром решили с татарской семьей...

– Не знаю, – Сапрыкин в задумчивости пожал плечами. – Мамутов, как поселился, – стал строчить одну за другой, жалобы в Москву, Киев, Симферополь...

Сафонов с шумом встал и, шагнув к шкафу, вынул папку и так хлопнул по ней, что пыль ударила в нос Сапрыкину:

– Вот они жалобы писателя-правдолюба – ха! – ха! – все они вернулись к нам из самых высоких московских и киевских кабинетов. Золотое правило – на кого жалоба, к тому и возвращается для принятия мер...

Хороший принцип социалистического правосудия... От усталости, не очень внимая в сказанное Сафонова, Сапрыкин потер лоб.

– Да, Мамутов неугомонный... А двое его друзей – Чарухов Ридван и Джемалетдинов Айдер – особенно не высываются, делом заняты, частным извозом... Скоро вернется из кременчугской колонии другой кандидат на выселение – Меметов Ниязи... Уже четыре дома татар в Донском под наблюдением... Скажите это Клавдии Ивановне... Успокойте ее... Только намекните ей, чтобы она щедрее делилась с нами за усердие...

Провожая Сапрыкина к дверям, Сафонов неожиданно сказал:

– Да, вспомнил, – по просьбе жителей Донского установим напротив поста ГАИ, на краю села, хлебный ларек...

VI

«Если вы хотите сохранить память о вашей матери, обо мне, вернитесь в наш родной Крым. Там, на отвесной скале на берегу моря, у самого его причала, на большой высоте я положил горсть земли, когда-то нами сложенной на камни, чтобы выросли на камнях сады и виноградники...»
(Из «Завещания отца»)

Впервые за долгие напряженные месяцы дети Мусы бегали и веселились, обливая друг друга колодезной водой во дворе. Увлекшись игрой, они не-надолго забыли о постоянном страхе быть оскорбленными, изгнанными из дома в любой из дней в жару и в холод, как случилось это с семьей соседа – Рустема Карабаша. Оставшись без крыши над головой, Рустем-ага перебрался с детьми и пожитками в парк Акъмесджита под открытое небо, упрямо не желая возвращаться в места ссылки.

В школе, где учились Диляра с Юнусом, учительница географии, наизусть знавшая все места ссылки крымских и, показывая их на карте, объявила громогласно:

– Все татары, живущие незаконно в Крыму, будут высыланы обратно.

Зекие, желая разделить с детьми их радость, не отправилась сегодня за шиповником в степь. Сидела с Мусой под навесом, с улыбкой наблюдала, как дети, играючи, обливают друг друга черпаками, кастрюлями. Даже Диляра, всегда серьезная,держанная ударилась в детство, бегая вдогонку за Сабрие и Юнусом с деревянной кадушкой – кубу, наполненной водой. Цветастое ее платье с длинными рукавами – антер, выкроенное Зекией, насквозь промокшее, притягнуло к телу, и Диляра, засмущавшись родителям, бросилась в дом. За ней – Сабрие и Юнус, также мокрые с ног до головы.

Муса весь год до заключения в лагерь, желавший устроиться хоть на какую-нибудь, даже низкооплачиваемую работу, всюду получал отказ, и посему все время отдавал обустройству дома, обернувшись, заметил, что половина крыши, покрытая двускатной черепицей, проходила.

Черепицу Муса привез из деревни Узунджи²³, куда в самые первые дни после возвращения в Крым, не в силах унять ностальгию, съездил посмотреть на отчий дом, откуда двенадцатилетним подростком, был изгнан в Узбекистан вместе с родичами.

Желание отправиться в Узунджи появилось у Мусы, когда он, купив часть дома Мезенчук, пошел в сельсовет.

Тогда-то у входа в кантону глаза его побежали по строкам призыва к колхозникам и колхозницам переселяться в богатую и плодородную...

Часть пути к Балаклаве Муса прошел пешком, часть проехал в автобусе, а остаток – на деревенской телеге, в соседстве с неподвижно лежащим, изморенным жарой поросенком, хозяин которого всю дорогу под собственную мелодию, похожую на храл раненого медведя, напевал: «Ще не вмерла Украина ни слава, ни воля». При этом в тakt мелодии шевелились тарас-бульбовские усы и чуб на голове.

Муса хотел было подстроиться под его лад и по-дать голос: «Ще не вмер Крым», но подумал, что взявший незнакомого попутчика возчик, обидится.

Возле лысого холма, откуда открывался вид на Узунджи, Муса спрыгнул с телеги и зашагал по тропинке наверх, чувствуя, как сжимается горло то ли от нахлынувших воспоминаний, то ли от трудности кругового подъема.

На самой верхушке холма Муса опустился на выжженную от солнца траву, почувствовав головокружение – так сильно взволновали его знакомые с детства запахи, доносимые ветром из села, от дыма и соленных испарений.

Отсюда хорошо просматривалась общая панорама Узунджи. Несмотря на беспорядочные ряды домов из плетня и кирпича, обмазанного коричневой глиной, замыкающие кривые, хотя и широкие улицы – все издали так же, как и тридцать лет назад, – в год изгнания.

Справа от последнего ряда домов, на возвышенности, – кладбище. Самые первые детские воспоминания трехлетнего Мусы, от которых начинается от-

счет жизни: тихо плачущая на кухне мама и сидящий у ворот на валуне отец, принимающий соболезнование от приходящих в одинокую и группами односельчан-узунджинцев на похорона.

Муса стал спускаться по крутым склону к кладбищу в поисках могилы деда и бабушки, умерших почти в один день. Но сразу заметил, что недалеко от треснувшей скалы, где они нашли покой, земля была проглатана широкой полосой, расширяя дорогу: часть кладбища и ограда погоста с входными воротами были сорваны с землей.

От тех земляков, кто пытался вернуться в Крым и был под конвоем выслан обратно в место ссылки, Муса был наслышан всякого, что болью отдавалось в сердце: многие кладбища предков были разрушены, оставленные без ухода, могильные плиты растиканы, откликнувшись на всесоюзный призыв, для ремонта жилища, мечети и медресе забыты колхозным имуществом – удобрениями, солью.

Но слышать одно, а увидеть своими глазами, как осквернены могилы родных, – все это так повергло Мусу в уныние, что он сел у дороги, обхватив голову, будто разом ослеп и оглох.

«Какая бы страшная ни была картина, связь нашего рода никогда не прервется, – подумал Муса. – От могилы дорогих людей дух передается мне и моим детям – и так до скончания рода...

Мысль Мусы перенеслась в Узбекистан к могилам матери и отца, которые просили высечь на мраморной плите эпитафии – слова тоски по Родине:

«Дөлгөнгөн ерим Узунджа кою,

На зеленом крымском полуострове,

Ешиль Кырым адасында.

Увидел я свет в селе Узунджи.

Ватан, дедим къайта - къайта,

В тоске повторял я – Родина, Родина.

Асрет кеттим айта - айта.

Но так и покинул мир на чужбине.

И как завещание матери – слова ее эпитафии: «Агълашманызы эвлятларым

«Не горюйте, дети мои,

Ананызынын алына,

О судьбе вашей матери,

Мен къалсам да –

Остаюсь я здесь, с уверенностью:

Сиз къайтырысыз,

Вы вернетесь

Ана – Ветан багъына»²⁴

В объятья родины-матери...

Муса очнулся, услышав грохот телеги. Из-за скалы на распаханный участок кладбища выехал, понукая усталую лошадь, тот самый чубастый певец. Он мельком глянул в сторону Мусы, делая вид, что не узнает недавнего попутчика и направил лошадь в сторону постройки с проваленным наполовину куполом, продырявленными стенами из резного камня, каким-то чудом державших входную дверь, над которой навис перекосившийся – айван, – все, что осталось от былой роскоши дюрбе – мавзолея суфийского шейха Ибрагима бин Акмехмеда²⁵ – по верованию местных – покровителя Узунджи, где, как поведал Ягъя-агъа сыну, в начале века насчитывающего пять тысяч жителей.

Спрятав с телеги, чубастый схватил в охапку поросенка, подавшего наконец признаки жизни, и толкнул дверь дюрбе. Через короткое время, он вышел, взвалив на спину мраморную плиту, и пока тащился к телеге, Муса успел прочитать на могильном украшении:

«Аллахумма аyz-ху мин азабиль-кабри...»²⁶, высеченную по просьбе родственников покойного.

Едва телега скрылась за скалой, возмущение, смененное с любопытством, направило Мусу к дюрбе.

Одного взгляда Мусы было достаточно, чтобы понять: внутри полуразрушенного дюрбе был устроен строительно-обменный пункт, где каждый желающий мог деньгами или натурой получить мраморные надмогильники для ремонта дома или сарая.

Обменщик-оценщик, неопределенной национальности, с виду – альбинос, обвязанный вокруг талии клеенчатым фартуком, с недоверием следил, как взгляд Мусы скользит по плитам, выставленным вдоль стен на показ. Поняв, что тот не из местных, повелительно махнул в его сторону рукой:

– Уходи! С тобой не сторгуешься!

Муса, не найдя на выставке плиты с именами родичей, молча вышел. Впервые у него родилась мысль: «Стоило ли возвращаться на родину, чтобы видеть такое?», и зашагал в сторону села, готовый к тому, что при виде родового дома, его будут ждать еще не одно разочарование и горечь.

Чтобы отогнать мрачные предчувствия, Муса повторил слова из Завещания Амета Моллаева: «Верните всех тех, кто хочет ехать с вами, не бросайте старцев: они покажут вам места нашей древней старины... расскажут о нашей юности, о детстве ваших предков, об истории нашего народа...» – после чего исчезла в нем минутная слабость, которая Мусу устыдила.

Общий облик Узунджи за три десятка лет после изгнания его жителей, не очень изменился, за исключе-

чением линий стен, высоты крыш домов, низеньких хозяйственных пристроек, слепленных из досок и фанеры новыми хозяевами. В основном же, корневая часть тысячелетнего села, не подвластная переменчивости времени, осталась, и пройдя несколько улиц, Муса легко нашел дом, где родился, и где набожный отец пропел ему суру «Фатиха», назвав ее «Матерью Корана», и с того дня заставлял Мусу заучивать ежедневно по несколько аятов, тихим, вкрадчивым голосом, разъясняя их потаенный смысл.

Муса почувствовал такое волнение, что даже в хрипе овчарки за воротами поначалу ему почудился зов из загона любимого коня по кличке Вефа.²⁷

— Кто там? — раздался возглас со двора.

После голоса с капризными нотками Мусе расхотелось стучаться в ворота, тем более они выглядели чужими — перекрашенные в зеленый цвет, покрывающий густым слоем резной орнамент на створках.

Муса шагнул к ограде и встретился взглядом со щедущим мужчиной в роговых очках, вышедшим на лай собаки.

Неожиданно он забежал обратно в дом. А через пару минут снова показался уже в солдатской гимнастерке с ружьем в руках. Хотел было направить ружье на Мусу, но еще раз глянув на гостя и, уловив в его глазах миролюбие и растерянность, опустил оружие... Услышав слова приветствия, спросил с досадой:

— Вы ведь татарин? — И, заметив легкий кивок, переменил тон: — Я человек интеллигентный, лишен всяких предрассудков. И кстати, в первый раз направляю на человека ружье... Нам тут столько рассказали о возвращающихся татарамах... что они пытаются угро-зами и даже убийствами вернуть свои дома... Жена моя впечатлительная, очень напугана. Слышиште? — повернулся он к окну на женский голос, спросивший: «Аркаша, ты с кем там разговариваешь?», — на что Аркаша нашел что ответить:

— Не беспокойся... С пациентом... Я повторяю — интеллигентный врач-уролог. — И еще раз внимательно окинув взглядом гостя с ног до головы, сказал:

— Догадываюсь... Вы когда-то здесь жили... И пришли, так сказать, на экскурсию...

Только сейчас Муса заметил, что когда поселенец разговаривает, легкий шрам на его щеке стягивает губы, отчего тот слегка шепелявит.

Слова его так задели Мусу за живое, что он ответил с иронией в голосе:

— Какая экскурсия?! Здесь уже не на что любоваться — ни виноградника, ни кустов, инжира, ни цветов...

Мужчина пропустил мимо ушей упрек Мусы, и вернулся к своим переживаниям от встречи с ним.

— Когда я направил на вас ружье, то через мушку увидел, что вы не агрессивны. Подумал: приехал татарин покупать жилье... Нам строго-настрого запретили продавать ссыльным... И в особых случаях, даже палить из ружья, как в Америке... Знаете, в Америке каждый гражданин имеет право с оружием защищать свою жизнь и имущество — это у них даже записано во второй поправке Конституции... — И словно вспомнив упрек Мусы, перевел разговор: — Виноградник, инжир... Когда мы въехали, все давно было погребено, то ли от безводья, то ли без ухода... И вообще, зачем нам инжир? Мы из Красноярска... В жизни не видели, как он растет... Колхоз, где я работал сельским доктором, как Антон Павлович Чехов, — ха! — ха! — знаменит гречихой.

Слушая терпеливо его монолог, Муса решил, что уролог давно ни с кем не разговаривал, и слова прямо-таки теснились в его груди, а крас-

ноярец, спохватившись, проявил вежливость: — Извините, я бы пригласил вас в дом, но жена хворает, никак не может привыкнуть к здешнему климату... Не поверите, когда мы въехали, здесь было кладбище костей — овечьих, конских — хлев полон скелетов и загон тоже... Странно, почему вы не забрали с собой в Среднюю Азию весь свой скот, а оставили здесь подыхать без воды и корма...

«Интеллигентный человек, а задаете подобные вопросы», — хотел было вставить Муса, но промолчал, подавив неприятный осадок в душе.

Не желая возвращаться на зов больной жены: «Аркаша!», он продолжал, не заметив, как изменилось лицо Мусы:

— Татарину, который как-то заглянул сюда, желая купить дом, я задал такой же вопрос, а он в ответ высказался аллегорически, мол, зачем нам скот, когда нас самих, загнали в телячьи вагоны... И вообще, первые два-три года здесь был не обещанный нам, переселенцам, рай, а кромешный ад. Дома, куда нас вселили, полуразрушены, в окнах гуляет ветер, ни света, ни воды...

Пока уролог Аркаша не полностью излил душу, Муса осматривал дом снаружи, все перестроено, переделано от крыши до фундамента, из хлева доносится запах навоза. Почти ничего, что возбуждало бы приятные воспоминания, а ведь казалось, ничто не может поколебать дух дома, где прожило семь поколений людей с именем Мамут.

— Вижу, вы насытили свое любопытство, — сказал Аркаша. — Мы красноярские — люди с распахнутой душой, выложим ее незнакомому человеку. Чопорные москвичи называют нас «балаболами»... — И, давая понять, что пришло время возвращаться в дом к жене, спросил Мусу: — Может вам какой-нибудь сувенир на память? — и бросился в хлев, вынося оттуда конскую уздечку, обитую медными пуговицами с замысловатым узором, при виде которой у Мусы сжалось сердце — уздечку надевал он на морду Вефа и мчался за отарой овец...

— Спасибо! — дрогнувшим голосом проговорил Муса. И, помолчав, добавил: — Можно, я еще возьму с собой черепицу, сложенную в углу дома. Вам она не нужна?

— Берите, берите... еще от вас осталась книга в кожаном переплете с иероглифами. И оттуда же, из хлева вернулся с книгой, в ней Муса узнал Коран, по нему отец учил его аятам...

С торжественным видом протягивая Мусе книгу, пояснил:

— В ней широкие поля для записей... Хотел ее пустить на рецепты, но передумал... Здешняя вода видно не осваивается переселенцами — один прибегает с почечными коликами, у другого мочевой пузырь в камнях... Душа чувствовала, что книга должна дождаться вас...

Муса полистал Коран, страницы которого слиплись от влажного воздуха. Взгляд его остановился на суре «Аль-Фуркан». Он приложил ритуальную книгу к губам и лбу, как делал отец перед чтением.

Уходя, он услышал:

— Аркаша, с кем ты был так долго...?

— Да, какой-то сентиментальный чудак... Тоскует о жизни, которую уже не вернуть...

«Асретлик». рис. Исмет Велиулла

VII

«Когда узрят они то пламя издали, услышат его шипение и рев... О, как взвоят они, убедившись в гибели...»

«Из прочитанного Мусой в суре «Аль-Фуркан».

Перебирая на крыше черепицу, Муса вдруг вспомнил случай из детства. Когда у него выпал первый молочный зуб, отец швырнул его на крышу, приговаривая:

«Мына санъа кемик тиш. Бер манъа алтын тиш».²⁸

Муса провел рукой по черепице, великоложно отданной добровольцем-переселенцем Аркашей, думая: не притаился ли зуб в трещине и ждет, когда молочный брат вернется на родину.

Воспоминания Мусы были прерваны шумом с улицы, производимым мотоциклом Сапрыкина.

С высоты было видно, как он затормозил у хлебного ларька, недавно возникшего в тридцати метрах от дома Мусы.

Мусса, каждый раз пытавшийся понять причину возникшего беспокойства, на сей раз так и не смог понять, что же его так взволновало при виде давнего своего преследователя Сапрыкина.

Заметив в открытую дверь столь важного гостя, продавщица Антонина Турчинова вышла ему навстречу в момент, когда лейтенант, желая показать даме удачу, залихватски соскочил с мотоцикла.

— Ну, как торговля, Тонечка? — Сапрыкин, переступая через порог лавки, снял фуражку, обнажив подстиженную под модный «ежик» голову. Когда же это пекло сдувало прохладой...?

Антонина поправила белую шапочку на голове, мимоходом глянув в зеркало на стене.

— Неплохо, Сергей Васильевич... Хлеб завозят в две смены... Берут за раз по десять-пятнадцать буханок ржаного.

— Ясное дело — на откорм свиней..., — Сапрыкин пододвинул ногой скрипучий стул и сел: — А татары, небось, на самогон...

— Да нет, татары пекут свой хлеб — отъемек и кательма — так, кажется, называется...

Не зная, как поддержать разговор с краснощекой, дородной продавщицей, Сапрыкин озабоченно вздохнул:

— Измучался я с татарами... Жалуются, пишут всюду, что Москва им дала равные права со всеми — с тобой, со мной... Ну, зубрил я Конституцию Се-Се-Се-ЭР в милиционской школе... Помню, как сейчас, статью сорок четвертую, мол граждани Се-Се-Се-ЭР имеют равные права на жилье, на труд, образование и прочий отдых... — И внимательно оглядел Антонину с ног до головы, желая убедиться: впечатлило ли продавщицу его грамотность. — Так-то оно так... Но в области давеча нам приказали — всеми мерами изгонять их обратно в ссыльные места, даже цифру назвали — сейчас в Крыму самовозвращенцев набралось около семисот душ... Велели вытравлять отсюда не только татарский быт и нравы, но и сам их предательский дух...

— Да вроде татары мирные, дружелюбные, — робко молвила Антонина, — Если и будут возвращаться... В селах много пустующих домов, только вот остерегаются их татарам продавать... Бояться их, думаю, не стоит. Нас здесь русских и украинцев в разы больше. Отуречивание нам не грозит...

Сапрыкин в ответ покачал головой, прилизывая мокрые волосы руками:

— Слаба ты, Тонечка, в масштабной, государственной политике... Начнется бардак кромешный... Будут требовать свои дома обратно, устроят повсеместно, как нам объяснили в области, «ночь длинных ножей»... от твоих родителей, Тоня, получили жилье, как переселенцы, и мои тоже... Отстраивались, облагораживали, сколько сил потратили и средств. Детей нарожали, внуков... Правда, скажу по секрету, кое-кто на запрете делает хороший бизнес. Мы трудимся, изгоняя в поте лица их из Крыма. Купленные ими ранее дома, потом перепродаются нужным людям. Нам же, труженикам видимого фронта от этого бизнеса перепадают крохи...

Антонина догадалась, что речь о некоей Колос, чиновнице, о которой судачат в селе, но промолчала.

Да и Сапрыкин, жалея, что разоткровенничался, переменил тему:

— Кстати, Антонина, муж твой где?

От рева подъехавшей машины, ларек слегка затрясся.

— Вот и он! Легок на помине! — Антонина поспешила к дверям.

Вышел к подъехавшему хлебовозу и Сапрыкин.

— А, Володя Субботин, — молвил он с досадой, глядя, как блондинистый, широкий в плащах водитель выпрыгнул из машины. — Не знал, что он твой муж...

— Второй, — не без гордости заявила Антонина. — Тот пил не просыпаясь... Володя же аккуратный, трезвый, домосед...

Сдержанно кивнув лейтенанту, Субботин стал вытаскивать из машины лотки с хлебом, деловито сказав жене:

— Проверь накладные и не путайся под ногами...

Сапрыкин, отвернувшись, стал с беспокойством оглядываться по сторонам, глядя на часы. И, заметив вереницу велосипедистов, едущих по тропинке со стороны скотобойни, проворочал:

— Нет дисциплины! — И поехал навстречу к посту ГАИ.

Антонина, помогавшая мужу разгружать хлеб, напряженно всматривалась в лица велосипедистов, желая понять: не это ли парни, не единожды устраивавшие факельное шествие по улицам села, выкрикивая угрозы татарам? По энергичной жестикуляции Сапрыкина, поняла, что лейтенант дает указания наиболее активному из своих дружинников — Монголу.

Монгол пытался вовлечь в свою компанию и Владимира, называя себя патриотом Крыма, но Антонина отговорила мужа, хотя Монгол обещал поделиться с ним от продажи дома выселенного возвращенца. Уверял клятвенно Монгол, что имеет связи не только в милиции, но и с влиятельными лицами в районе.

«Если не люди, то Бог разгневается», — приводила мужу Антонина, как последний довод, частые наставления соседки Мезенчук.

Велосипедисты и Сапрыкин вскоре разошлись. Монгол зажег один из факелов, спрятанных заранее в

помещении ГАИ, и колонной из десяти-пятнадцати хлопцев, неся над головами дымящие факелы, с хриплыми криками, будто прорицая горла, двинулись, скандируя: «Та-та-ры – вон из Крыма!», «Предателям здесь не место!».

– Побудь в ларьке! – велела Антонина мужу и бросилась к дому Мусы. Заметив его на крыше, крикнула:

– Миша, запирай ворота!

Колонна в пыли и чаду почти поравнялась с его домом. Муса спрыгнул вниз и, шагнув к воротам, сказал, будто отвечая на зов Антонины:

– Отчего должен запирать...? Я в своем доме. – но живо представив, как испугаются дети и снова замкнутся в себе, переживая угрозы, задвинул засов на воротах. И тут же услышал:

– Татарин, забирай своих и уматывай туда, откуда приехал! – Крики сопровождались ударами о створки ворот.

Перепуганная Зекие выбежала во двор и, видя, что Муса отдвигает засов, умоляюще прижала руки к груди:

– Не выходи! Пожалей детей!

Но Муса не слышал ее. Изо всех сил распахнул ворота и с решительным видом шагнул на улицу.

Монгол в спортивном костюме, с коричневой шапочкой на голове, опешив от вида Мусы, шагнул назад и, помахивая перед его лицом факелом, сделал повелительный жест своей компании, которая хором крикнула:

– Татарин, слышал глас народа?! – Но не успел Монгол сказать еще что-то, как Муса выхватил из его рук факел и отбросил в сторону, на середину шоссе.

– Подними! Если ты здесь хозяин – сожги меня! Никуда мы отсюда не уедем! А ты, не помнящий своего родства, если не трус, опали меня... Пусть я вспыхну, как этот факел, а вы, как дикие-огнепоклонники, поплашите вокруг огня!

Не ожидая такого отпора, Монгол растерянно глянул на добрающийся с шипением факел.

– Знай, татарин, это последнее предупреждение... Если не образумишься, помни – мы знаем, где твоя жена собирает шиповник. И дорогу, по которой твои дети скоро пойдут в школу... Усвоил? – хрипло проговорил Монгол и повелительным жестом повел своих к посту ГАИ, где были сложены велосипеды.

– Ты – трус, – презрительно ответил Муса и, обняв плачущего Юнуса за плечи, с силой закрыл ворота...

VIII

«Не забудьте об этой священной земле. Пусть эта земля, как памятник, как вечный памятник будет нести имя трудолюбивого, гордого нашего народа...»

(Из завещания отца)

Тягостное переживание от угроз непрошенных гостей не улеглось даже под покровом темноты и висело в воздухе даже тогда, когда в открытые окна повеяло прохладой. Никто из домашних не уснул к полуночи – ни дети в своей спальне, ни Зекие, лежавшая рядом с мужем, время от времени тяжело вздыхая.

Хотя Муса, ни словам, ни видом не проявлял излишнего волнения, Зекие знала: муж всегда в таких ситуациях остро переживает за нее и детей, подавляя ранимую впечатлительность строгим, даже неприменимым выражением лица, стараясь шутить, чтобы разрядить обстановку.

Кто-то из детей тихо поскреб по двери, видимо, желая убедиться, заснули ли родители...

Это оказался Юнус, виновато глянувший на отца красными от бессонницы глазами.

– Папа, они вернутся? – прошептал он.

– Трусы не возвращаются. – Муса взял сына на руки и шагнул в детскую, шепотом приговаривая: – Да тебя уже не поднять... Мужчина, уже... а тревожишься по пустякам. – Уложив Юнуса на кровать, и зная, что Диляра и Сабрие тоже не сомкнули глаз, хотя и лежат неподвижно, сказал тихо: – В твоем возрасте, Юнус, я был намного легче весом, худой, как жердь, потому что много бегал гоняя овец... а бывало, еле поднимешься тяжелый камень и метнешь в сторону волков, следящих за отарой... А в мае, когда нас всех – твоего деда, бабушку, тетушек и дядьев, высали со всеми из Крыма, но не случись такого, я бы закончил четвертый класс и с гордостью назывался бы взрослым пятиклассником... Тогда, на одном из последних уроков литературы я запомнил одну историю: «Легенда о Данко» – так она называлась. Взволновала она меня так, что до сих пор вспоминаю ее... Народ, спасаясь от врагов, бежит в лес... а кругом болота. – Муса сделал паузу, слыша, что у сестер скрипнули кровати, когда они приподняли головы, прислушиваясь к нему: – Людей засасывают болота, они паникуют, задыхаются от адского смрада, рыдают, а некоторые от страха сходят с ума... Один из бежавших – по имени Данко, видя страдания людей, убеждает отчаявшихся, что пойдет, выведет всех из леса. Но люди, потерявшие веру в спасение, называют его лжецом... И тогда Данко вырывается из груди сердце, высоко поднимает над головой, его храбрею сердце вспыхивает огнем, освещая лес и горит факелом, пока люди не находят путь к спасению...

– Здорово! – после недолгой паузы, откликнулся Юнус. – А что с Данко? Он остался в лесу лежать мертвым?

– Подумай сам, – слегка дрогнувшим голосом, проговорил Муса. – Если человек, пожертвовавший собой, чтобы осветить путь к другим, попал в школьный учебник, о нем рассказывали учителя, а мы все сорок учеников заучивали наизусть его историю, а до нас еще тысячи четвероклассников, неужели он умер? Нет, конечно. Он, как тюркский Кесикбаш, который – мы до сих пор в это верим – сражается за справедливость, держа отрубленную голову за пазухой...

– А дальше? – подала голос Сабрие.

– Дальше? – Муса сел на край кровати Сабрие, и часто, как это случается перед детьми, предался воспоминаниям: – Когда нас, ссыльных, везли через степи, в Узбекистан, я, по мальчишеской наивности, рассказывал умирающим в пути от голода и болезней землякам о подвиге Данко. И убеждал, что это какая-то несправедливая и чудовищная ошибка. И когда о нас узнает Сталин, он накажет тех, кто нас выслал и вернет в Крым... Ведь в школе учили нас, какой он справедливый, честный, сам в молодости много страдавший в тюрьмах и в Туруханской ссылке за простой народ. Учительница в своем обожании даже сравнила подвиги Сталина с подвигом Данко... Но – увы! Я, как и многие, ждавшие его милости, первые год-два не обустраивался на новом месте. Без крыши над головой все ждал приказа: всем вернуться на родину! Таково высочайшее повеление генералиссимуса... И знаете, – тихо засмеялся Муса, – все, кому я рассказывал в поезде историю Данко, даже прозвали меня Муса Данков.

Смех Мусы снял напряжение, висящее в воздухе спальни. И едва он успел произнести последние слова, как услышал в ответ посапывание Юнуса во сне...

Сам Муса же, вернувшись к жене, сколько бы ни пытался, не мог заснуть: перед глазами то и дело возникала картина добрающегося с треском и шипением факела, который он выбил из рук Монгола. В полуза�оты к этой картине примешивалась, возникшая из глубин сознания женщина, бежавшая по берегу Чирчика, объятая пламенем, женщина, над телом которой, склонившись, рыдал старик, а чуть поодаль от полуобгоревшего трупа сидел, обхватив голову, его помощник Мумтаз...

«И неважно, отдаешь ли ты жизнь, протестуя против домашнего насилия или поруганной чести, или превращаешься в протестный факел, чтобы окружающие задумались: жить дальше в условиях неволи нельзя!».

Чтобы отогнать мрачные мысли, Муса прошептал молитвенную суру «Аль-Анам» ...

IX

«... Так в каждом селении Мы создали главных грешников, чтобы они строили там козни. Однако они строят козни только против себя самих, не ощущая этого...»

(Коран, сура «Аль-Анам», прочитанная Мусой Мамутом)

Муса тихо поднялся с постели и задул керосиновую лампу на подоконнике, оставленную Зекие на ночь, на случай, если дружинники Монгола вдруг появятся под окнами. От скрипа кровати, Зекие тяжко вздохнула во сне и повернулась на другой бок. И в предрассветных лучах, заигравших на стекле, Муса заметил слезы на ее лице, то ли от кошмарного сновидения, то ли из-за горечи пережитого днем.

В первый год супружеской жизни Мусе казалось, что Зекие все слишком близко принимает к сердцу – кем-то сказанное грубое слово, переживает за его неудачи. И видя ее часто плачущую в уединении, Муса поделился излишней впечатлительностью жены с отцом. На что Ягъя-агъя сказал в назидание:

– Береги ту, что за тебя плачет. Все вышний бережет тебя за ее слезы...

Муса, вспоминая слова отца, походил по двору, слыша хрюканье соседской собаки, обошел вокруг колодца и сел под навесом.

Уже нижняя полоска горизонта посветлела, разрисовавшись красным оттенком, поднимаясь все выше из густой мглы, предвещая еще один жаркий день.

Глядя, как соревнуются на горизонте свет и тень, Муса вдруг подумал о Ниязи. Стал считать дни, перегибая пальцы. Выходило, что узника Кременчугского лагеря должны освободить не сегодня – завтра, в день джума – намаза, если, конечно, лагерное начальство, не придралось к чему-нибудь, не набавит к его двухлетнему сроку еще месяц или два.

Беспокойная мысль Мусы блуждала, желая успокоиться, перебирая в памяти приятное в прошлом. И неожиданно вспомнил о своем помощнике – Мумтазе, ростом, осанкой, улыбкой, не сходящей со скуластого лица, похожего на Ниязи.

Сидя на берегу Чирчика и глядя, как перекатывается через валуны на дне коричневая, лесовая вода, говорили о смысле имен – благо, имена ссыльных и местных были одинакового произношения и толкования.

О чем бы Мумтаз ни начинал разговор, тут же пе-

реносился мысленно в Бухару. И непременно при этом клал под язык щепотку насывай²⁹, отчего голос его становился похож на звуки карнай³⁰.

– Жил с нами по соседству сапожник Куркмас Меджитов... Потеряв бдительность, он как-то шепнул клиенту: «Когда мы жили в Туркестане под пятой белого царя, таких зверств, как сейчас, при Сталине, не было...» На следующий день исчез. Был хилый, бледный, думали: чахоточный, а оказался выносившее многих – отсидел в Сибири пятнадцать лет и, смотрим, вернулся к своему сапожному делу... Может оттого выжил, что его нарекли именем – Куркмас³¹... Ты веришь, Муса, что имя человека определяет его судьбу? А я верю... И твое имя, идущее от пророка Мусы (мир ему!) тоже должно что-то значить...

Муса промолчал, но видя, что вечно улыбчивый напарник, словно подбадривает его, сказал:

– Ничего не скажу о перекличке с именем пророка, чтобы не было похоже на святотатство... Но порой я здраво представляю, как все мы, ссыльные, погрузившись в один день в вагоны, возвращаемся на родину...

– Инша-Аллах! – поддержал его Мумтаз, брызнув изо рта насывой. – Я непременно выйду провожать тебя и помогу погрузить твой скарб в поезд...

Вернулся Ниязи из заключения и поймет, что и у Мусы, все еще проходящем, как и он по кругам ада на родине, ничего не изменилось к лучшему, как будто попав единожды в шайтаново колесо, все верится, застревают пальцы – меж спицами колеса, не в силах вырваться...

С того дня, как вернулись, Мусе каждодневно неловко от обращенных к нему вопросительных взглядов детей, с рождения привыкших к тому, что отец во всем для них опора.

Но как бы тяжко ни было, Муса часто повторял про себя услышанную при случае от Мумтаза сентенцию:

«Ватаннинг вайронаси – умрнинг гамхонаси...»³²

Да, тот Крым, где Муса родился, – в руинах. В этом он убедился с первых же дней, проехав почти через весь полуостров, направляясь в Кременчугскую колонию, а другим маршрутом – к родовому дому в Узунджи.

Поселенцев по призыву Крым по-прежнему манит, видится им зеленым, морским, сытым, процветающим. Так скрестились два взгляда – коренных и пришлых...

Но как бы ни было тяжко, надо было вернуться и браться за любую работу, даже самую черную и неблагодарную, позабыв о том, что твои знания и умения разбираются в самых сложных машинах – экскаваторах, тракторах, хлопкоуборочных машинах, освоенных в узбекском Баяуте, здесь не в почете.

От случая к случаю Мусу приглашали подрабатывать на очистке колодцев во дворах, конюшнях, загонов для овец. И не для усыпления гордыни, а как смиление перед обстоятельствами, он вспоминал услышанное подростком: разговаривая о превратностях жизни, сосед-грек Ангелис, живший в Узунджи, высказал мнение отцу о тех, кто чурается черной работы и пояснил, что они, греки, не постыдились к подвигам Геракла причислить также и очищение конюшен...

На неделе Муса спускался в заиленный колодец во дворе дома продавщицы Тони и ее мужа Володи Субботина. Показывая ему, как слой за слоем снимать ил, чтобы открылся глаз родника в колодце, слово за слово подружился с хозяином.

Антонина пригласила Мусу отведать вареников с вишней, как она сказала «коронное ее блюдо» и, разливая по шашкам травяной настой, заметила:

– Хорошо, вы, мусульмане, спиртное не употребляете. – И выразительно глянула на мужа, отчего тот, сожалея об отсутствии бутылки на столе, тяжко вздохнул.

– Зато могут иметь четыре жены...

– Может быть где-то и заводят, но Мишу, здесь живущему на птичьих правах, так измordовали – без работы, что ему, дай Бог, свою Зекие прокормить и детишек... – И провожая Мусу к воротам, одарила его двумя буханками хлеба, а Володя налил в канистру бензина, как выразился «для домашних нужд...», из-за того, что Муса наотрез отказался брать деньги за работу.

X

«Если ты человек, то не забывай, что есть, такие же как ты люди, они вокруг тебя... Приди к ним и в горе их, подай им руку в минуту тяжелую. Знай, они не забудут тебя, твое имя и твой бесценный дар...»

(«Завещание отца». Амет Моллаев. (Кърымлы Амет))

Ниязи Меметов, прихрамывая, переступил через порог дома Мусы:

— Так торопился, что не заметил валун на дороге, — объяснил он, крепко прижав Мусу в объятиях. — Мусорщикам нет дела до улиц Беш-Терека, не то, что в Самарканде, — все вылизано для туристов...

Устроившись под айваном, всматривались друг в друга, будто не виделись целую вечность, хотя Муса вышел из колонии месяцем раньше Ниязи.

— Шел к тебе, спотыкаясь о камни, и думал, если это несчастливое для нас время будет длиться десятилетиями, и наш народ не сможет вернуться в Крым, то нас с тобой и еще двух-трех возвращенцев будут показывать туристам, как представителей редких экземпляров коренного населения... как индейцев в резервации Америки...

Ниязи мог говорить часами, фонтанировать, иронизируя над всем и вся, в том числе и над своим маленьkim ростом, говоря, что за непослушание мать наказывала его веником, невзирая на примету-предупреждение:

«Баланы сипиркинен урмагъя олмай, ось-
мез...»³³

Надо дать ему высказаться, тем более, Ниязи преподносит интересные, порой спорные суждения.

— Не думаю, что мы с тобой будем редкими экспонатами для туристов, — в тон Ниязи полуслучиво возразил Муса. — Наш народ не настолько беспамятен, чтобы Крым поменять на Мубарек, куда его воодушевленно заманивают и наши услужливые к властям...

Ниязи разомкнул высохшие губы, чтобы еще что-то сказать, но не решился: каждое слово Мусы было для него бесспорным еще со школьной скамьи, когда учились вместе в Узунджи. С тех пор, чувствуя в Мусе крепкий стержень и внутреннюю силу, считал его своим авторитетом и старался подражать ему, хотя и были они одногодки.

— Лучше расскажи, кому ты передал нашу группу взаимопомощи? — оживленно поинтересовался Муса.

— Сейдумеру Пинка... Ему еще полтора года сидеть, — Ниязи заметил, как засверкали глаза Муссы, то ли от мысли, справится ли Пинка, то ли вспомнил тяжкие условия самого лагеря. Брань надзирателей, побои, заточение в карцер — все это было особой «привилегией» для крымских возвращенцев, чтобы сломать их дух.

Еще в Чирчике Мусса, посещая кладбище, склонил голову над могилой Амета Моллаева, едва ли не первым начавшим борьбу за возвращение земляков в Крым, а перед смертью продиктовавшим то самое знаменитое «Завещание отца», ходившее по рукам и ставшим не только наставлением, но учебником для возвращенцев.

Попав в Кременчуг и насчитав в лагере с десяток осужденных возвращенцев, Муса собрал вокруг себя единомышленников и предложил назвать группу взаимопомощи имени Амета Моллаева, чтобы память о нем помогала выдержать все тюремные невзгоды и правила, диктуемые паханами и «ворами в законе».

— Здесь что-нибудь изменилось для нас? — после недолгого молчания поинтересовался Ниязи, потирая ногу.

— Ну ер ят-ябан толуп къалгъан³⁴, — пожал плечами Муса, добавил:

— В какую контуру не сунься — все глухо... Милиция и следователи штампуют под копирку дела против наших. — Поднявшись, Муса в беспокойстве зашагал взад-вперед. И, наблюдая за его походкой, движением рук, Ниязи казалось, что огонь возмущения, всегда горевший внутри друга и обжигающий его, вырывается наружу громким возмущенным монологом:

— Пока мы были в заключении, из Беш-Терека высали под конвоем Джемиля Куртсейтова — ты его знаешь, пекаря — с женой и двумя детьми, нашего врача Эсмера Мазинова с тремя малолетками, у одного из них — эпилептика — случился припадок... И Фатыму Губанову с детьми под конвоем... а муж ее — Усеин, ты знаешь, и по сей день в Кременчуге по знакомой нам с тобой статье... А в доме учителя Рустема Карабаша экскаватором снесли крышу... — Муса с каждым шагом еще сильнее возмущался:

— Нет, друг Ниязи, хватит уповать на милость беззаконников! Мы обращаемся в Москву, Киев, доказывая свои равные права со всеми гражданами. В итоге, наши письма, телеграммы попадают в руки таким же, как и здесь, беззаконникам, мелкому служаке, а он отфутболивает их обратно тому же Сафонову, в сельсовет, следователю Пономареву... И все опять вращаются в шайтановом колесе... Наша наивная вера в закон и справедливость исходит из того, что мы, крымские, всегда старались все решать мирно... Расскажи мне хоть об одном случае, чтобы наш подросток-немышленыш, в доме которого сносят крышу, или отчаявшаяся пожилая женщина, видя, как дружинники Монгола старика-отца, связанного, везут на вокзал... Ты знаешь хоть один пример сопротивления, чтобы кто-то из них поднял камень и разбил окно в том же сельсовете? Или в милиции?.. Преследователи пользую-

ются нашим долготерпением... Пора менять способы борьбы... Совершить нечто такое... громкий поступок, чтобы дрогнули наши мучители...

Сказанное Мусой было созвучно тому, о чем думал и Ниязи, хотя и не знал, как еще противостоять произволу, поэтому произнес задумчиво:

— Какую тактику нам еще выбрать... не знаю, — слова его были прерваны появлением во дворе Диляры с чайником и оладьями с вареньем на подносе.

Поздоровавшись, Диляра положила поднос под навес, и чтобы разрядить обстановку, Ниязи заметил, обратившись к девушке:

— О! Кызырлез ляляси киби³⁵... Когда будем справлять свадьбу?

Польщенная таким сравнением, Диляра смущенно потупила взор, замедлив шаг:

— Мне, Ниязи-агъя, паспорт не выдали... Всем одноклассникам на выпускном вечере вручили, а мне директриса заявила: мол, тем, кто незаконно проживает в Крыму, паспорт не положен.

Асан Бараш

Заметив, как губы дочери задрожали от обиды, Муса положил руку на ее плечо и успокаивающе молвил:

— Потерпи немного, все наладится. — И перевел разговор в шутку: — Конечно, какая невеста идет под венец без документов? Жених засомневается...

И Ниязи, желая развить щекотливую тему, высказался:

— Лишь бы нашелся достойный жених, можно никак³⁶ в мечети... без всякого штампа в паспорте, как было у наших бабушек и дедушек... Правда, с этим придется подождать... мечети и медресе сейчас отданы под колхозные склады...

Провожая взглядом расстроенную Диляру к деревянному дому, мужчины тягостно молчали. Из сказанного со страстью Мусой Ниязи понял, что он на грани чего-то отчаянного, дабы разорвать порочный круг унижения, в котором он и его земляки оказались, вернувшись на родину, окруженные заградительными кордонами.

Однако направляясь к воротам, Ниязи не осмелился спросить: что такое задумал Муса, как намерен действовать дальше, не хотел лишний раз теребить его душу.

У ворот Муса столкнулся почти лицом к лицу с Сапрыкиным, в расслабленной позе сидящим на мотоцикле, вытянув ногу на руль.

«Приехал узнать, подействовало ли на меня факельное шествие Монгола? — сразу же догадался Мамут, — и следом, еще надавить...»

На сей раз лейтенант не зашел, как обычно бесцеремонно в дом, а ждал пока друзья выйдут на улицу. Видно, проследил, куда направляется, вышедший накануне из заключения Ниязи, чтобы заодно и ему напомнить свою любимую поговорку: «Незваный гость — хуже татарина».

С бесстрастным лицом Сапрыкин протянул Мусе бумагу:

— Тебе — уведомление... Подпишись в получении...

Первым порывом Мусы было: закрыть ворота перед носом лейтенанта, но с трудом сдержал себя. Ниязи, положив руку ему на плечо, чтобы успокоить, наклонился и пробежал глазами строчки уведомления, затем заново стал читать шепотом, будто помогая Мусе

осмыслить написанное:

«Районный суд г. Симферополь, вновь рассмотрев заявление председателя донского сельсовета Сафронова А. А. о незаконном проживании на территории данного сельского совета гражданина Мамутова Мусы и членов его семьи в доме номер 186 по улице Комсомольская. Несмотря на меры административного и уголовного воздействия в отношении Мамутова Мусы и его жены Абдуллаевой Зекие, семья продолжает незаконно проживать на территории Крымской области. В связи с вышеизложенным суд постановил: жителям вышеуказанного дома в течение 24 часов покинуть пределы Крымской области. В случае неисполнения решения суда, дом номер 136 будет подвергнут сносу, как неоформленное по закону строение...»

— Уже гуманный прогресс, — усмехнулся, по-прежнему сдерживая гнев, Муса, и Ниязи почувствовал, как задрожало его тело. — Не пятнадцать минут на выселение, как в мае сорок четвертого, а целые сутки в июне семьдесят восьмого.

— Ну, за что вы терзаете человека?! — сделал шаг в сторону Сапрыкина Ниязи, нахмурив брови.

— Сколько можно?!

— Спокойно! — поднял руку, отступая назад лейтенант, но увидел, что ни Муса, ни Ниязи не проявляют агрессии, предупредил повелительным тоном:

— И тебе, гражданин Меметов, не мешало бы подумать, как узаконить свое пребывание в Крыму, дабы снова не загреметь в лагерь... — и несколько смягчив тон, обратился к Мусе: — Распишись, Миша, в получении уведомления. — И добавил: — а вообще-то тебе своих голодающих детей не жалко? А еще говорят: татары в детях души не чают... Не лучше ли — обратно в Ташкент — город хлебный... А то ведь новый срок склопотать не трудно... Кременчугский лагерь он — резиновый, всех разместит по нарам...

Ниязи почудилось, будто в глазах Мусы вспыхнул огонь:

— Передай своему суду: меня теперь голыми руками не взять!

— Ты так уверен? — усмехнулся Сапрыкин, подубоене устраиваясь на мотоцикле.

— Да, уверен! При любом исходе — живой или мертвый, я остаюсь в Крыму. — И порывисто обняв Ниязи, Муса повернулся к воротам дома, но Ниязи успел схватить его за руку:

— Они просто запугивают... И не смей говорить о смерти... Не давай нашим мучителям повода для радости... хотя я понимаю, что ты выразился чисто символически...

Муса успокаивающе кивнул:

— Да, да, символически, — и, улыбаясь через силу, добавил: — Это когда все, в том числе жизнь и смерть, приобретают особый смысл...

Ниязи, чтобы прощание с другом не казалось столь тягостным, сказал вслед отъезжающему лейтенанту:

— Эки козюнъинъ бирини чапчи алыр...³⁷

XI

«Будь же тверд на прямом пути, как тебе велено вместе с теми, кто поклялся наряду с тобой!»

(Коран, Сура «Худ», прочитанная Мусой на заре этого дня).

Лейтенант Сапрыкин взял себе за приятную привычку — приезжая по служебным обязанностям в Беш-Терек, обязательно заглядывать в хлебную лавку Антонины.

Деревянное строение с надписью «Хлеб и разливное масло» было прижато к углу дома Мезенчука. Из распахнутого настежь окна Афросы доносился наружи ее шепелявый голос, произносящий нараспев молитвенный псалом:

— Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит с грешниками, и не сидит в собрании развратителей... Амин...

Сапрыкин, не спешившись с седла, протянул руку, закрыл оконные ставни, дабы покупатели хлебной лавки не слышали, как он выражался, «этот ста-рушечий бред».

Услышав за дверями шум мотора, Антонина тут же метнулась к зеркалу и принялась прихорашиваться, проводя помадой по чувственным губам.

Антонине импонировал столь чистый визитер. Играя природным женским кокетством, она видела в Сапрыкине защитника, на случай, если ревизоры обнаружат в ее бухгалтерии несостыковку дебета и кредита. И хотя продавщица, как и ее муж хлебовоз Володя были работниками честными, думалось ей: неизвестно, где и как черт может спутать кассу.

Лейтенант, к слову и не к слову, в разговоре с ней, хвастал своими связями, называя имена Клавдии Ивановны Колос из райисполкома, прокурора Зубарева, следователя Пономарева, а со своим непосредственным милицейским начальником Денисовым он вообщем на короткой ноге, пьет на брудершафт и ездит в его веселой компании на охоту, где вместе со служебной собакой Зевсом выступает в роли гончего ег-

ря, загоняя на стрельбище оленей и кабанов...

Хотя интуиция подсказывала Антонине, что в его бахвальстве есть нотки преувеличения, все равно она приветливо встречала гостя.

Вот и сегодня Антонина, отойдя от зеркала и поправив белоснежный халат, пошла навстречу вошедшему в лавку лейтенанту с приветливой улыбкой:

— Добрый день, Сергей Васильевич!

— Да не очень-то он добрый..., — проворчал Сапрыкин, снимая фуражку и размахивая ею перед носом. — Есть у тебя, милая, что-нибудь прохладительное?

Антонина бросилась открывать холодильник.

— Лимонад «ситро», — и ловко откупорила бутылку с шипящим напитком. После каждого глотка Сапрыкин охал от удовольствия и, опустошив всю бутылку, по обыкновению пустился в рассуждения:

— И зачем моего отца потянуло сюда? Мол, переселяйтесь в богатую и плодородную... Думали, едем в рай, а вышло, что здесь надо еще больше пахать, чем в деревне... Да и климат нездоровий... И еще — надо грудью стоять на пути возвращенцев-татар. А им что закон, что непорядок — барибир. — Лейтенант достал из кармана пачку папирос с изображением всадника в бурке, скачущего на фоне горы — «Казбек». — Извини, закурю, разволновался... Давеча в десятый, сотый раз заглянул к Мамутову Мусе с извещением о сносе его халупы... А он мне: «Я здесь останусь — живой или мертвый» Во как!

Сапрыкин затянулся глубоко, держа между почерневшими губами папиросу, и пустил в потолок колечко дыма.

— Ну, как с такими работу вести, посуди сама, Тоня?! Как будто у татар свои законы, не советские: человек человеку друг и брат, а дремучие, средневековые: с волками жить по-волчьи выть...! Но я не могу по-волчьи, ты ведь знаешь, я — человек отзывчивый, добрый... Но на службе приходится зачастую выть волком...

Пока Сапрыкин рассуждал, Антонина пробежала глазами то самое уведомление о сносе дома Мусы, оставленное на прилавке. Засовывая в карман бумажку, Сапрыкин повернулся к выходу и смягчил тон:

— Как твой муженек — Володя? Не пьет, не буйнит?

— Когда ему буйнить, Сергей Васильевич?! Он ведь по трем селам хлеб развозит. Приходит и сразу спать, как убитый...

У Сапрыкина лукаво забегали глаза:

— Значит, он тебя не обнимет на ночь, не приголубит...?

— Ладно вам, Сергей Васильевич! — махнула рукой пропадвица и потупила взор.

Едва Сапрыкин отъехал, как Антонина тревожно выглянула из лавки и посмотрела в сторону дороги, от которой шла направо тропинка. По ней почти ежедневно возвращалась домой Зекие с корзиной шиповника или с охапкой полевых цветов.

В тот день, когда Муса прочищал колодец во дворе Субботиных, Зекие и Антонина познакомились и разоткровенничались о своих заботах, о детях, не обошли они и кулинарные секреты. Зекие показала соседке, как приготовить сюзме бакъла - лапша с фасолью и кашу с тыквой, пояснив любопытной Тоне, что по-крымскотатарски называется «паста».

Хотя Антонина знала, что Зекие обычно возвращается из степи едва стемнеет, она еще пару раз выходила за дверь.

Зекие сама заглянула в хлебную, когда Тоня, озабоченная тем, чтобы не сбиться со счета, складывала на прилавок одну буханку ржаного за другой. Местный селянин набивал ими холщевый мешок для откорма свиней.

Продолжая считать, Антонина несколько раз озабоченно глянула на Зекие, пытаясь уловить ее настроение. И даже проводив покупателя, тяжело вздохнула, не решаясь заговорить с соседкой.

— Что случилось? — Зекие положила на пол корзину. — Что, Тонечка, не узнаешь меня?

Антонина вдруг сжала Зекие руку и почему-то шепотом сказала:

— Зина, дорогая... ничего они не сделают, только запугивают, чтобы вы уехали... Но если, что слу чится — перебирайтесь к нам с детьми... что-нибудь придумаем...

У Зекие от дурного предчувствия сжалось сердце, и ослабели ноги.

— Ты о чем...? — и по ее бледному, растерянному виду Антонина поняла: Зекие не знает об угрозе снести ее дом.

— Да, да, понимаю... Миша не рассказал, чтобы лишний раз не тревожить тебя и детей, — Антонина даже пожалела, что заговорила об этом с Зекие и, путаясь в словах, объяснила скороговоркой: — Лучше тебе знать, чтобы не дай Господ...

Усадив рядом с собой на стул растерянную Зекие и, обняв ее за плечи, слово за слово, в подробностях рассказала все, что узнала от Сапрыкина...

Видя, что Зекие вне себя от волнения, Антонина спешно повесила замок на двери и повела ее под руки домой. Успокаивала ее:

— Не переживай... хотят нагнать на вашу семью страхи... хотя еще не родился такой, кто бы мог взять стра-

хом твоего Мишу... И знай: двери нашего дома всегда открыты... — добавила: — Миша за колодец отказался брать деньги. И Сергей налил ему полную канистру бензина для хозяйства... Так ты бензин этот запрячешь где-нибудь... Вдруг искра попадет...

XII

«Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня. Многие говорят душе моей: «Нет ему спасения в Боге». Но ты, Господи, щит предо мной, слава моя, и Ты возносишь голову мою...»

(Молитвенный псалом, которым Мезенчук пыталась отвести от Мусы и его семьи беду)

Попрощавшись с Антониной, Зекие остановилась у ворот, думая: «Отчего соседка вспомнила о канистре с бензином?», успокоилась, глянув на дом: снаружи стены и крыша были в целости-сохранности. Заходящие лучи солнца ложились на коричневый ракушечник, и было ощущение того, будто весь дом просвечивается изнутри. Зекие даже почудилось, что из открытой форточки в окне, доносились наружу голоса детей...

Решив не медлить, Зекие, не заходя домой, затропилась мимо ряда соседских ворот и, обогнув последний дом Беш-Терека, вышла к каменистой тропе вдоль берега ручья, в сторону села Мазанка в часе быстрой ходьбы.

Тревога заставляла Зекие убыстрять шаг, не чувствуя, как в башмаки вонзаются камни, царапая ноги.

Еще в лавке у Антонины Зекие вдруг вспомнила беседу на повышенных тонах с вновь назначенным председателем райисполкома Артуром Цехлы, к которому она с Мусой записались на прием.

Но первые же слова Зекие о том, что у них, безработных родителей, дети живут впроголодь, почему-то возмутили товарища Цехлы. Вскочив с кресла и заложив руки за спину, царственной походкой походил он взад-вперед по кабинету и резко и коротко заявил, давая понять, что разговора не получится.

— Вас не только не пропишем, а пока лето не кончилось — выселим на все четыре стороны, подальше от Крыма! И — баста!

Муса в гневе шагнул к Цехле, словно пытаясь прижать его стene:

— Вы! Бессердечный чинуша, вынуждаете меня на крайний шаг! Знаете — говорю это не первый раз: скоро покончу с собой, но не покину свою родину! Вина за мою смерть ляжет на совесть таких, как вы..! Впрочем, я вижу, совести у вас нет!

Цехлы, отбегая к своему столу, одной рукой схватил трубку телефона, другой прикрыл ладонью свою лысину, будто боясь удара по голове, продолжав бормотать:

— Не надо, гражданин, шантажировать власть..! Возвращайтесь к себе в Узбекистан, а там, что хотите с собой, то и делайте... Вольному — воля...

Вошедший на звонок дежурный милиционер стал толкать Мусу к выходу. И пока Зекие шла с мужем к автобусной остановке, слышала, как Муса что-то гневно шепчет, словно продолжая свой нелицеприятный спор с Цехлы.

Вскоре Муса успокоился и презрительно выразился в адрес Цехлы:

— Чар генералы киби³⁸...

Сейчас торопящаяся в сторону Мазанки Зекие слова Мусы — страшные слова о самоубийстве, слоями тревоги, отчаяния сжимали сердце женщины, не позволяя ей продохнуться и еще быстрее ускорить шаг. Надо во что бы то ни стало с наступлением темноты вернуться в Беш-Терек, чтобы домашние не заволновались и не вышли на ее поиски.

Очередная угроза — снести дом может еще сильнее подвигнуть Мусу на отчаянный шаг.

Зекие замечала, что после возвращения из заключения, Муса стал переживать каждый обидный случай, которому раньше не придавал значения, неосторожное слово и оскорбление в адрес жены и детей.

Явно в душе мужа что-то творилось, что не давало ему спокойствия; часто Зекие заставала его, мучающегося бессонницей.

Она подумывала: не походить ли по соседним селам, не пораспрашивать ли у знающих людей, сохранилась ли еще где-нибудь могила старца-целителя — азиз, куда бы она уговорила Мусу отправиться в паломничество и получить умиротворение души. В ее родовом селе, исцеляющей от всяких хворей, считалась могила Мелек-Гейдар-Азиз, куда мать повела пятилетнюю Зекие, чтобы снять мучающий девочку коклюш.

Сейчас Зекие облегченно вздохнула, услышав у первых домов Мазанки собачий лай.

Мазанка расположением домов и улиц почти не отличалась от Беш-Терека, посему, несмотря на кирпичные улицы вдоль беспорядочно расположенных домов с пустынными дворами и невысокой оградой, Зекие без труда нашла нужные ей ворота.

Ниязи в этот поздний час был во дворе, набирал воду из колодца. Увидев Зекие, первое, что подумал: снесли дом Мусы, хотя тут же успокоил себя: Муса так

просто не отдаст жилье на разграбление и поругание.

Сославшись на поздний час, Зекие отказалась войти в дом. И, переступив порог жилища, стала рассказывать о цели своего прихода из-за угрозы разрушить ее дом.

— Знаю, — успокаительным тоном ответил Ниязи. — Сапрыкин угрожал при мне... Думаю, на такое варварство не решатся...

— Боюсь я..., — Зекие осеклась и зажала дрожащие губы, чтобы не разрыдаться. Но после тягостного молчания, тяжело вздохнула: — Сама не знаю, как это объяснить... Разве такое произносят вслух... Извините, уже темнеет, домашние волнуются.

Ниязи поняв, что Зекие что-то не договаривает, предложил:

— Ханум, я вас провожу...

Всякий раз, когда Ниязи видел Зекие, на память ему приходило далекое: робкий ухажер Муса просил друга передать ей записку с просьбой о свидании, и чтобы тот не перепутал адрес женского общежития, особо подчеркивал приметы девушки:

— Чифте-чифте бенлери вар³⁹...

Сейчас шаг за шагом, немного успокоившись, Зекие поведала о том, что ее угнетало все последние дни. Разговор на повышенных тонах с Цехлы и о словах Мусы, что для него смерть предпочтительнее, чем очередная разлука с родиной...

... Корзина с шиповников была на том же месте, у порога дома, на скрип ворот в окне мелькнули лица Юнуса и Сабрие. Юнус поступал по стеклу обрадованый возвращением матери.

Зекие первым делом свернула в сторону сарая. В полуутье, вдыхая запах бензина, нащупала канистру. И решила спозаранку спрятать ее в чулане бабы Мезенчук.

И прошептала, мысленно разговаривая с мужем:

— Аллах мени алсын да сени кылдырын⁴⁰...

XIII

«... Не теряйте свою любовь к очагу наше му, к мечте нашего народа, не забывайте наш язык — язык родной матери...

Амет Моллаев (Кырымлы Амет), «Завещание отца»

Ниязи, заглянув в полуоткрытые ворота, придержал шаг, услышав голос Мусы. Устроившись на своем излюбленном месте, под навесом, он насмешливым тоном читал школьный учебник Юнусу. Тот с сосредоточенным видом сидел, прижалвшись плечом к отцу.

Весь путь из Мазанки Ниязи был озабочен, заранее продумывал разные варианты разговора с Мусой, но услышав спокойный и даже шутливый тон хозяина дома, почувствовал облегчение: ни своим видом, ни блеском живых глаз Муса не подтверждал тревожных опасений Зекие. Впрочем, из многолетнего знакомства с Мусой знал: тот при любых ситуациях может быть сдержан, скрывая свои чувства.

— Бир керменчили хоразларыны арабасына юклеген ве геджелейин. Багъчасарай базарына ёл алъян. Гедженинъ бир вакътында козю юкугъя кеткен. Бир даа хоразнынъ сесинден уянъян. Бакъса, Багъчасарайны кечип кеткен. Кыкачлап ала хоразны да: «Тань аткыныны бильмедиңми, олмайджакъ хораз?».

«Житель Керменчили погрузил на телегу своих петухов и повез на рынок в Бахчисарай, но по дороге уснул и очнулся от петушиного крика. Разгневанный, схватил петуха и крикнул: «Ах ты, негодный петух: о том, что настало утро, ты кричишь, а что приехали в Бахчисарай — ты что, не знал, молчишь?!»

Муса перевернул страницу учебника, а Юнус до сего внимательно слушавший его, вдруг захочет, ударяя себя по колену ладонями.

Ниязи, приближившись к ним и подыграв общему веселому настрою, тоже засмеялся.

— Готовишь Юнуса к школе? — спросил Муса. — Не рано ли? Еще только июнь месяц чилле...

— Отлынивает от заданий на лето... — услышав упрек отца, Юнус, устыдившись, схватил учебник и бросился в дом, услышав следом: — Самостоятельно выучи следующую страницу: «Мен кырымтатарым... Менним Ватаным-Кырымдым. Мен озъ топрагымны, дөгъмлуш халкымны ве оз тилимни джандан севем...

«Я — крымтатарин! Моя родина — Крым! Я люблю свою землю, свой народ, свой язык...»

— Давненько мы с тобой не охлаждались в Беш-Тереке... махнем? — Ниязи глянул на дымку, собирающуюся на горизонте. — День ожидается огненный...

Выходя на улицу, Муса посмотрел по сторонам, словно ждал гонца с дурной вестью, и глаза его обрели стальной блеск, как у человека, принявшего важное решение.

тат. не имея карманных часов, подвешиваю к поясу лишь цепочку...) Так и ты красуешься перед барышнями до блеска начищенными дырявыми сапогами, выдавая их за новые...

В ответ слышал насмешливое:

– А разве не о вас – арпатцах рассуждают в Крыму так: гемиге пичен веренлер⁴¹ (крымтат. те, кто пытался кормить корабль сеном...)

Так вспоминали они байки о жителях тех мест, откуда были родом.

Но нередко и спорили, когда в мечтах из мест ссылки возвращались в Крым.

Ниязи был полон всяких зачастую фантастический идей. Предлагал бросить клич к землякам, чтобы сбратить, кто сколько может и внести в общую кассу, а набрав два-три миллиона рублей, подкупить в Москве важного чиновника, чтобы тот молвил за крымских татар словечко и помог вернуться на родину.

Ведь говорят же, что банкиры Америки – всякие Ротшильды, Морганы, Дюпонны выделали несколько миллионов долларов, чтобы склонить Сталина – отдать им Крым... но что-то сорвалось в этой сделке... А ты не веришь, что деньги решают все...

Сейчас же, молча миновав пост ГАИ, друзья вышли к тропинке, ведущий мимо скотобойни, откуда началиась, распахнув свои просторы, степь.

После краткого предрассветного дождя повеявшая легкой прохладой, степь, изнывавшая от череды дневного зноя, снова ожила, как весной после таяния снега. Из сухой потрескавшейся земли выгляднули мак, тысячелистник, а местами и зверобой с фиалкой. Серый, унылый цвет поменял, хотя и ненадолго, на зеленый шиповник...

От созерцания робких красок глаза Мусы сменили стальной, неприступный цвет на мягкий, серый, и Ниязи подумал: «В самый раз начать разговор, как бы издалека, прощупывая настроение Мусы».

– Все вокруг стремится к жизни... Нашу степь я вижу такой после двух лет неволи... Сейчас – простор, воля! достаточно получаса случайного в наших краях дождя, как степь, притаившаяся, чтобы переждать засуху, – и без всякой казалось бы связи со сказанным, вдруг спросил: – Ты был у нового главы района Цехлы... Как он тебя встретил? И мне ведь идти к нему на поклон...

Муса помрачнел и повторил то, что сказал тогда Зекие:

– Чар генералы киби...

Ниязи, удивившись такому меткому сравнению, нагнулся, чтобы выпрямить склонившуюся от тяжести ветку куста:

– Выходит, генерал и мне предложит покинуть Крым... И что ты на это ответил..? Или его ничто не берет – ни просьбы, ни ссылки на законы о равенстве граждан.., – слукавил Ниязи, явно ожидая другого ответа от Мусы.

Муса помолчал, будто подбирая слова, затем резко глянул на Ниязи:

– Знаешь, у каждого свой ответ... Я же ему пообещал: живой или мертвый – остаюсь в Крыму...

Явно не ожидавший такого прямого и откровенного ответа, Ниязи смущился и, заметив валун, предложил:

– Давай-ка сядем. Что-то нога опять разболелась...

– И, обняв Мусу за плечи, промолвил:

– Именем нашей с тобой тридцатилетней дружбы, скажу: мне совсем не нравится твое настроение... И Сапрыкину при мне ты заявил подобное... Пойми, друг, если ты такое заявляешь в споре, в полемическом задоре, в гневе, который потом отходит, – это одно... Разве ты не думаешь, что даешь повод для радости нашим преследователям. Чем сильнее давят на нас, тем быстрее мы вернемся в места ссылки – так они думают...

Муса изучающе посмотрел в глаза Ниязи и, поднявшись, стал ходить взад-вперед вокруг валуна.

– Меня уже давно не интересует мнение наших гонителей – чему радуются и из-за чего огорчаются... Все, что я пережил, возвратившись, наслодилось в душе раной, которая уже не заживет до моей смерти... И обожгло меня, как ту женщину на берегу Чирчика, – это последнее... угроза разрушить мой очаг на земле, где похоронены предки...

Муса опять опустился рядом с Ниязи на валун, спокойный и сдержаный, как будто мгновение назад голос его не дрожал от гневной тирады.

– Они скоро снова придут за мной... и как преступника опять сошлют в лагерь... Но на сей раз я не сдамся, как овца, которую ведут на убой... Ты ведь помнишь, как меня хотели братки искалечить до полусмерти в Кременчуге... Но тогда этого не случилось, благодаря отпору земляков... Возвращенцы, сидевшие в лагере, понимали: сегодня я, завтра по заказу того же Сафонова или Сапрыкина – на очереди они! Нет более жалкой смерти, встретить ее среди уголовников или педерастов... Луч-

ше встретить ее на воле... раз тебе сужено, – проговорил Муса глуховатым голосом и, не закончив мысль до конца, осекся.

Ниязи хотел было возразить, но опять не находил нужных слов.

– Ты ведь знаешь, отец у меня был истинным мусульманином... Все время утверждал: жизнь человека, как и его смерть, должна содержать высший смысл... Кажется, тривиально, но как это воплотить в своей судьбе? Смерть дается, чтобы живущий ежеминутно, ежечасно думал о ней, потому что эта жизнь – миг, а там – вечность... Я много размышлял над прожитыми годами... Прожитые годы в изгнании почти никогда не наполнялись особым смыслом... Лишь детство и отрочество в Узунджи – это навсегда в памяти... Из хорошего в ссылке, разве что встреча с Зекие, сватовство не без твоего посредничества, – слегка разжал в улыбке губы Мусы. – И, конечно же, дети... Но в основном – не все так удачно... так может быть, смерть, отбросив свет назад, наполнит все высшим смыслом?

Ниязи, в нетерпении ерзая на валуне, тяжело вздохнул, только нашелся сказать:

– Вот-вот – семья... Ты страдал от того, что дети живут впроголодь... Что будет с ними?..

– Дети... Когда я сидел в лагере, семье, чем могли, помогали Ридван и Айдер... соседка Мезенчук – православная страдалица... Знаешь, почему они нас гонят? – Муса снова перевел разговор на своих мучителей: – Думают, когда мы все в одиночестве вернемся

Самопожертвование М.Мамута
рис. Исмет Велиулла

на родину, заявим о своих правах на занятые ими дома, сады, потребуем отчета о разворованном имуществе, о скотине... Твердят, что Крым перенаселен и без нас... хотя проедешь сотни километров – всюду заброшенные наши села, где воют волки. Убежден: мертвый возвращенец для них страшнее, чем живой... Мертвый, как горящий факел над их головами – в огне, которого и они могут сгореть..., – добавил Муса, перед глазами которого снова возникла картина: охваченная пламенем женщина, бегущая по берегу реки Чирчик...

Перед тем, как подняться, Ниязи сказал, как последний аргумент:

– Для верующего – сама мысль об интихаре⁴² гревовна... Пойдем, остынем в речной воде..., – хотя был уверен, что теперь никто и ничто не остоудит Мусы: – Ты что, хочешь воевать с ними, как кесикбаш с отрубленной головой за пазухой?..

– При любом исходе, я им в руки живым не отдамся! – упрямо тряхнул головой Муса, отчего его седеющие волосы раскрылись веером.

XIV

«Они чуть не изгнали тебя с земли, вытесняя тебя оттуда, но после твоего изгнания, они сами остались бы там недолго...»

(Коран. «Сура «Аль-Исра», прочитанная Мусой в последний свой день на рассвете).

Спазаранку Муса мастерил крышку для колодца. Спокойно и деловито строгал доски, срезая их так, чтобы обе половинки сошлись в круге.

Юнус, сидя под навесом, наблюдал за проворными руками отца, время от времени заучивая то, что ему было велено:

– Мен кырымтатым... Меним Ватаным-Кырымды...

Ближе к полудню, когда сгустился зной, Муса закрыл горловину колодца крышкой, как пошутил сам мастеровой: с «аптекарской точностью» и направился к дому, велев сыну:

– Учи, ... а я немного посплю. Кто спросит, скажи: нет дома...

Юнус удивленно посмотрел вслед отцу: сколько бы он себя не помнил, тот никогда не ложился спать днем, подумал: уморила жара...

Зекие же, напротив, вздохнула облегченно, решив, что напряжение последних дней отпустило мужа. И почти неделю не покидавшая дом и следящая за каждым шагом Мусы, решила с дочерьми направиться по знакомому маршруту с корзиной.

– Мен озъ топрагымны, догъмуш халкъымны ве озъ тилимни джандан севем... Мен – ватанперверим..., – произнес Юнус, напряженно глядя в учебник, и, осекся, услышав широко распахнутые створки ворот.

Во двор твердым шагом ступил лейтенант Сапрыкин, озабоченно глядя по сторонам.

– Где отец? Мать? – обратился к Юнусу, растерянно вскочившему с места.

Тревога ската горло Юнуса, с трудом выговоревшего:

– Их нет дома. – И видя, как Сапрыкин бесцеремонно открывает дверь, ведущую к спальне, побледнел от страха.

Лейтенант откинул занавес, прикрывавший вход: Муса лежал на спине, широко раскинув руки, с безмятежным лицом, будто летал во сне. Губы его были чуть приоткрыты в такой же улыбке, как у Юнуса в первый день возвращения отца из Кременчугского лагеря.

– Разбуди его! – приказным тоном велел Юнусу Сапрыкин и добавил: – Нехорошо, татарчонок, врать...

Юнус отпрянул в коридор, задрожав всем телом:

– Папа велел не будить его...

Муса, услышав сквозь сон голоса, открыл глаза. Повернувшись, резко сел на кровать, остекленевшим взглядом посмотрев на непрошенного гостя: в полумраке спальни вдруг возник свет, режущий глаза, свет разрисовался в факел из охваченной огнем женщины, бегущей по берегу реки...

От странного взгляда Мусы Сапрыкин попятился в коридор и, просунув голову в проем, пробормотал:

– Тебя в сельсовете ждет прокурор...

Муса провел ладонью по глазам, словно отгоняя картину пламени. Накинув на плечи халат, стал напротив Сапрыкина:

– Какое ты имел право без разрешения входить в дом?! – и услышав, что лейтенант сказал что-то невнятное, упрямо тряхнул головой: – Никуда не пойду. Мне не о чем говорить с прокурором...

– Зато прокурору есть, что тебе сказать, – Сапрыкин то отстегивал, то снова, нервничая, застегивал кобуру пистолета на пояс: – Не пойдешь, кликну друзинников. Свяжем тебя и силком повезем...

Муса несколько мгновений думал, опустив голову, и хрюпнулся:

– Иди на улицу и зови Монгола... Я оденусь и выйду...

Сапрыкин нехотя пошел к выходу, а Юнус, оставшись в комнате, видел, как отец достает из шкафа чистую, выходную белую рубашку и брюки, бросая долгие взгляды на сына. Велит ему также идти во двор.

Переодевшись, Муса совершил тахарат⁴³ и, став на намазлык⁴⁴, прошептал слова молитвы...

Проезжавшие в это время мимо дома Мусы Ридван и Айдер, заметив сидящего на мотоцикле Сапрыкина, остановили машину и, озабоченные, обратились к лейтенанту:

– Кого поджидаете, Сергей Васильевич? Не нас ли?

– с еле слышной ironией в голосе поинтересовался Ридван.

– Приехал за Мишой Мамутовым, вызывают к прокурору, – нехотя ответил Сапрыкин, не меняя расслабленной позы. – За вами в следующий раз, – и подхихнул...

Обычно молчавший в подобных острых ситуациях, Айдер подал голос:

– Вы-то здесь причем, если прокурор..? Муса ведь не преступник... Может и сам добровольно явиться в сельсовет...

– В том-то и заковыка: вызывали, а он не являлся на допрос, – Сапрыкин отчего-то занервничал, завел урчащий мотоцикл, затем выключил. – Решили – с милиционским приводом...

Ридван в сердцах махнул рукой:

– Может, хватит издеваться над человеком... с такими же правами, как и вы, Сергей Васильевич..?

– У меня прав больше – я при службе... За то, что вам, граждане, дадут срок, мне объявят благодарность... – Сапрыкин поправил фуражку на голове...

И видя, что Ридван с Айдером направились к дому Мусы, заметил:

– Образумьте своего дружка уважить прокурора.

У слышав, что перепуганный до смерти Юнус, объясняет вошедшем:

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА

Посвящается тем, чье сердце горит за Родину, за справедливость

«Поймут ли те твоё горе, мой народ, кто не испытал его, кто не оценил цену разлуки, кто не перенес горькую жизнь обвиненного, оскорбленного и обиженного?..»

Если ты человек, то не забывай, что есть такие же, как ты, люди, они вокруг тебя. Облегчи своим легким и бесценным добром им их жизнь. Приди к ним и в горе их подай им руку в минуту тяжелую. Знай, они не забудут тебя, твое имя и твой бесценный дар.

Дети, умирая, я завещаю вам: «Не забывайте – есть Родина и у нашего народа. Она там, на берегу Черного моря – наш Крым, где следы истории наших предков, их слезы, горе и плач. Земля пропитана их кровью».

Однажды выселенные с этой земли, они всю свою горькую жизнь мечтают вернуться к родному очагу, его теплу – материнскому теплу. Дети, если вы хотите сохранить память обо мне, о матери вашей, о роде нашем, о народе, родившем нас, не теряйте свою любовь к очагу нашему, к мечте нашего народа, не забывайте наш язык – язык родной матери.

Кто изменит ей, она – мать, родившая тебя, встанет из могилы и проклянет...

Я не смог вернуться к нашему гордому Аю-Дагу, к морю нашему родному, к нашим степям, где паслись наши сытные стада. Они ждут нас. Это сделаете вы, мои сыновья и дочери. Верните всех тех, кто хочет ехать с вами, не бросайте старцев: они покажут вам места нашей древней старины, быть может, уже не сохранившиеся. Они расскажут вам о нашей юности, о детстве ваших предков, об истории нашего народа. Я оставляю вам мир и свет, и мою мечту о Родине.

Если вы хотите сохранить память о вашей матери и обо мне, вернитесь в наш родной Крым, там, на отвесной скале – на берегу моря, у самого его причала на большой высоте, я положил горсть земли, когда-то нами сложенной на камни, чтобы вырастить на камнях сады и виноградники.

Не забудьте об этой священной земле. Пусть эта земля, как памятник, как вечный памятник, будет нести имя трудолюбивого, гордого нашего народа.

Счастливого вам пути, мои дорогие дети.

Амет Моллаев (Кырымлы Амет)»

1972г. Чирчик.

¹ Петр Павленко – 4-х кратный лауреат Сталинской премии, в своих произведениях огульно охаивал роль крымских татар в войне, приписывая им необоснованные преступления (Т. П.).

² Чанта – (крым. тат.) – дорожная сумка.

³ Молитва-просьба (араб.).

⁴ Аллах, прибегаю к твоей защите от трудностей пути, от всего дурного, что может случиться с моим имуществом и семьей (араб.).

⁵ Тип мужского головного убора

⁶ Действующие лица повествования названы своими подлинными именами (Т. П.).

⁷ Переименованное название с. Беш-Терек.

⁸ Цветной узорчатый платок (крым. тат.).

⁹ Отец вернулся (крым. тат.).

¹⁰ Хочется заплакать (крым. тат.).

¹¹ Хочется смеяться (крым. тат.).

¹² Пусть Аллах правителям, нам враждебным, даст человечность, а нам ниспошлет счастье возвращения на родину (крым. тат.).

¹³ Доброго вам вечера

¹⁴ Героиня – разведчица.

¹⁵ Трехголовый див (крым. тат.).

¹⁶ Мираф (узб.) – буквально: хозяин воды.

¹⁷ Болохона (узб.) – мансарда.

¹⁸ Таляк (араб.) По шариату троекратное произношение этого слова означает развод супругов.

¹⁹ На дне терпения – золото (узб.).

²⁰ Буквально: он из камня воду выжмет (крым. тат.).

²¹ В советские годы – условное радио, в юмористической форме передававшее слухи из разных сфер жизни.

²² На тюремном жаргоне – гомосексуалист.

²³ После высылки из Узунджи крымских татар, переименовано в село Колхозное.

²⁴ Из эпитафий, записанных автором на кладбищах, где похоронены на чужбине ссыльные.

²⁵ Ибрагим бин Акмехмед (умер в 1592 г.) – наставник крымского хана Гази Гирея II

²⁶ О Аллах, защити его от мучений могилы (араб.).

²⁷ Вафа (араб.) – преданный.

²⁸ Крымскотатарская поверье: «Вот тебе костяной, верни мне зуб золотой».

²⁹ Насвай (узб.) – возбуждающий порошок, заменяющий курение.

³⁰ Карнай – горловой музыкальный инструмент.

³¹ Куркмас – бесстрашный.

³² «Если родина в руинах – всю жизнь ты в заботах» (узб.).

³³ По народному суеверию, если ребенка стегать веником, он будет обижен ростом.

³⁴ Сюда понаехали много чужих (крым. тат.).

³⁵ «Ты, как тюльпан, расцветшая в Кызылрлез» (крым. тат.).

³⁶ Никях (араб.) – обряд бракосочетания в мечети.

– Бармаджагыны кесен-кес айтты⁴⁵.., – Муса вышел во двор

Вошедшие обратили внимание: лицо, да и весь облик Мусы выражал спокойствие и невозмутимость.

– Хотят снова посадить.., – с трудом разжал почерневшие губы Мусы.

– А за что сажают? – пожал недоуменно плечами Ридван. – От силы – наложат штраф... Не беда, сложимся все вместе и оплатим, как в прошлый раз... Главное, не горячись у прокурора, бессмысленно в сотый раз доказывать свои права... Аллах сабыр берсинг⁴⁶..

– Не знаешь, что в таких случаях сказать, – повернулся Ридван к Айдеру, выходя за ворота, и опять заговорил с Сапрыкиным: – Сергей Васильевич, когда все это кончится? Муса уже отсидел свое...

– Да мне самому надоело со всеми вами возиться... Я – человек подневольный... Не смею перечить приказу капитана Пономарева...

Муса почему-то вышел к Сапрыкину не прямо через ворота, а прошел по двору соседки Мезенчук, появившись из-за угла дома.

– Прочь отсюда! – крикнул Муса лейтенанту. – Уезжай! – рубашка на нем была насквозь мокрой, просвечивая все тело. И Ридвану показалось, что Муса так сильно вспотел от перенапряжения, хотя и почувствовал слабый запах бензина.

– Не смей так разговаривать с представителем власти! – снова в позу встал Сапрыкин.

Муса отпрянул назад к воротам, и Ридвану показалось, что в руке он сжимает камень, чтобы швырнуть в лейтенанта, крикнул:

– Муса, не делай этого!

На крики вышла, прихрамывая, Афросия Мезенчук и, оценив зловредные последствия инцидента для Мусы, перекрестившись, прошептала из библейского псалма:

– «Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего... Да будут постыжены и жестоко поражены враги мои; да возвращаются и постыдятся мгновенно...»

Следом за ней выбежали из хлебной лавки Антонина с Владимиром. Но не успели они понять, что происходит, как Муса бросился обратно к себе во двор. И через мгновение выбежал оттуда к ужасу наблюдавших объятым пламенем.

Все услышали, как он сказал:

– Ну, что взяли?! – и, собрав последние силы, сделал несколько шагов к Сапрыкину с распростертыми объятиями.

Тот, испугавшись, спешно завел мотоцикл и дал газу, оглядываясь, не настигает ли его смертельный факел...

Опомнившись, Ридван побежал за Мусой, Айдер же тем временем, успел вынести из дома покрывало.

Володя на ходу снимая халат, ловко подставил ногу, нагнав горящего соседа, и пламя, в котором разрисовался лик человека, лизнуло обочину дороги.

Антонина, потрясенная случившимся, крикнула вслед виляющему по тропинке мотоциклиstu:

– Труп! – и бросилась к медсестре, жившей поблизости.

– Господи, ироды! Погубили невинную душу, – Мезенчук, восклицая, продолжала креститься. Во двор к рыдающему Юнусу забежал сосед-одноклассник Дилявер: – Не плачь! Отец будет жить! – задыхаясь от нахлынувшего воспоминания о смельчаке, вышедшем из лесного плена земляков, Юнус еле слышно ответил: – Это пламя его горящего сердца. Отец вернется к нам...

Весь путь до больницы Акъмесджита Айдер держал Мусу за плечо, вытирая кровь на его губах, пока тот не ослабев, не упал головой ему на грудь.

– Ридван, Айдер, – еле слышно прошептал Муса, – то, на что я решился, не пройдет бесследно для наших земляков – и здесь, и в ссылке... – последнее, что он вспомнил, теряя сознание, рыдающего во дворе Юнуса: – Детей моих не оставляйте... Эльвида, достлар⁴⁷...

Когда санитары выкатили из больницы тележку, Муса сделал жест, как бы отталкивая всех, и самостоятельно пошел к дверям, пошатываясь и пригибаясь от боли...

... Вечером того же июньского дня 1978 года, прокурор Пономарев узнал от врачей: самосожженец безнадежен. Расстегнув ворот мундира, с минуту поразмыслил, стоя у дверей больницы с врачом, и распорядился: объявить по всем палатам карантин, дабы крымские татары-возвращенцы не навестили умирающего и, не приведи Господи, не повторили, протестуя от отчаяния, его поступок. Сапрыкину же наказал перекрыть дорогу к Беш-Тереку со стороны сел Димитрова и Мазанка, чтобы во время похорон Мусы Мамута не возникли волнения и протесты среди его земляков.

– Не надо, чтобы все это пошло дальше Донского, – резюмировал прокурор. – Будут вопросы: как? почему?

И первым делом прокурор постучался в дом Мезенчук. Выглянувшей из ворот с распухшими от слез глазами старушке строго приказал:

– Ты своим кумушкам объясни, что на такое рехнувшийся татарин Мамутов пошел по наущению своих дружков – Чарухова Ридвана, Джемалетднова Айдера,

Меметова Ниязи... За что им грозит статья – умышленное доведение человека до самоубийства... Это тянет на пожизненный срок или вышку...

– Как такое возможно! – дрожащими руками наложила на себя крест Мезенчук. – Не могли друзья Миши... пока он, бедолага, сидел в лагере, они забыли о его семье, не дали детишкам помереть с голоду... нет, нет, не впутывайте меня в грех...

– Подумай хорошоенько! – нервно повернулся прокурор и, уходя, пригрозил: – Мы и тебя, бабка, можем привлечь за продажу татарину части дома, несмотря на запрет...

Сапрыкин же был послан им для разъяснений к Антонине.

– Ты всем в селе, кроме татар, внушай, что свои же, татары, самоубийцу подговорили, когда увидели, что он стал слаб на голову...

– Извините, Сергей Васильевич, – еле сдержала гнев продавщица. – У меня дел по горло, некогда в ваши игры играть, – и ушла, захлопнув перед его носом дверь подсобного помещения...

XV

«Если сможешь увидеть, назвать и принять Свет первого мига смерти... воскликни: «Господи! Ты ли это?!»

(Бадро Тёдол. Тибетская Книга мертвых)

Все разом закрылось, как бы залитое горячим свинцом – зрение, вкус запекшейся крови на губах, уставившиеся запахи больничной палаты.

Холод в руках и ногах – и Муса, лежащий на операционном столе, услышал удаляющиеся во мрак слова:

– Дыхание остановилось...

Тело, словно надутое огненным воздухом, разомкнуло свои члены и, отделив сердце от кровотока, поднялось, пустилось в свободный полет, туда, где манил яркий Свет.

Свет слегка разрисовал фигуры врачей, и все отодвинулось во мрак.

Освободившись от всеобщего мрака, густеющего внизу, свет разгорался все ярче, но был холодным и не резал глаза, не тревожил слух, не возбуждал дыхание, лишь создавал ощущение присутствия...

Мусе грезилось, что он легкий, бестелесный, летит внутри тоннеля, сжатый со всех сторон, хотя свет, разрисовавший тоннель, не имел сторон, замыкающий окружное длинное пространство.

Душа рвалась вперед ко всеобщему свету, освещая по пути знакомые лица – отца, матери, сестер и братьев, ушедших из бренного мира.

В полете Муса протянул руку, чтобы коснуться их лиц, но ощущал, как свет, разрисовавший их, уходит меж пальцев...

Впереди ему померещилась девочка в феске, голубой цвет которой чуть оттенял льющий

³⁷ «В любую минуту готов лишить тебя второго глаза» – крымскотатарская поговорка о зловредном человеке.

³⁸ «Как имперский генерал» (крымт.).

³⁹ У нее парные родинки (крымтат).

⁴⁰ «Пусть Господь призовет меня, а тебя оставит» (крымт.).

⁴¹ Крымскотатарские шутки-прибаутки, взяты из книги С. Усеинова «Нутку медениети».

⁴² Самоубийство (араб.).

⁴³ Ритуальное омовение перед молитвой (араб.).

⁴⁴ Молитвенный коврик

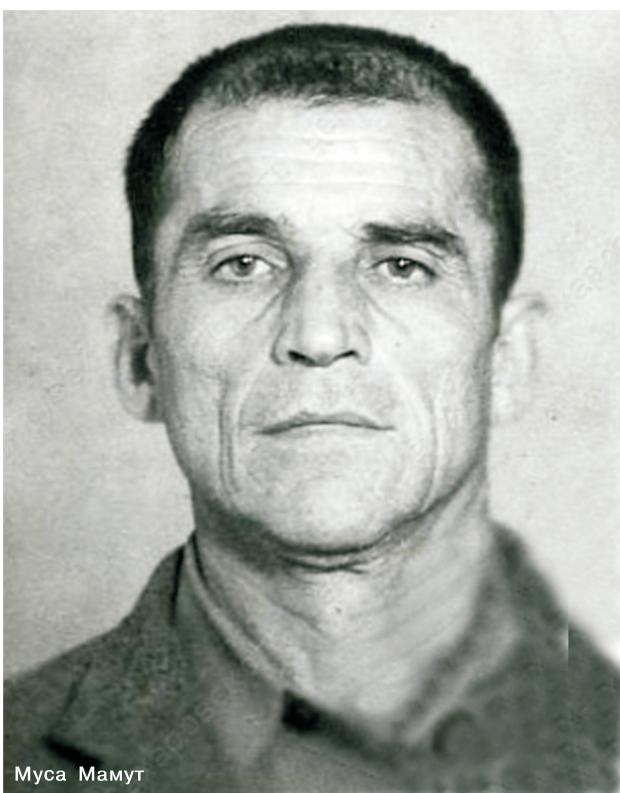
⁴⁵ Наотрез отказался идти (крымт.).

⁴⁶ Пусть Аллах даст терпение тебе (крымт.).

⁴⁷ Прощайте, друзья (крымт.).

⁴⁸ Интихар – самоубийство в исламе строго запрещено, его грех считается больше, чем грех убийства другого человека. Совершивший интихар, однако, не считается вышедшим из ислама. Некоторые богословы спорят: следует ли читать джаназе (молитва за упокой) над самоубийцей. Однако, известен случай, когда пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха!), прочитал над совершившим интихар джаназе, а высшего авторитета в исламе, чем Мухаммад (с. а. с.) нет. (Пояснение автора).

⁴⁹ По древнему тюркскому обычанию вокруг могилы воина-героя совершали девять поминальных кругов (крымтат.).

Муса Мамут

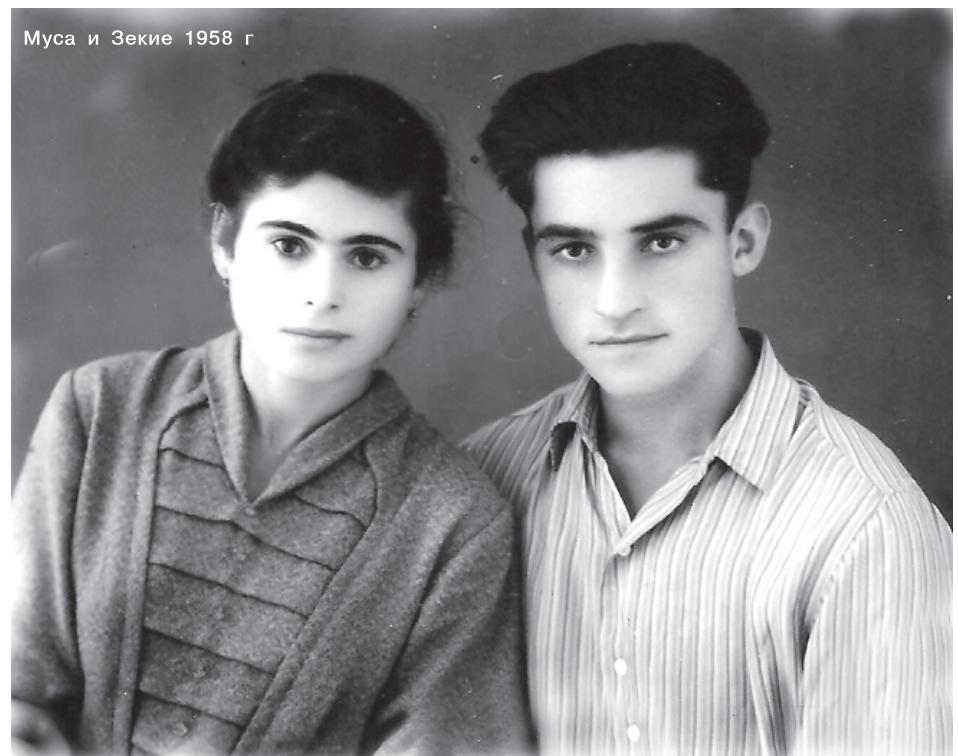

Колодец вырытый Мусой Мамутом

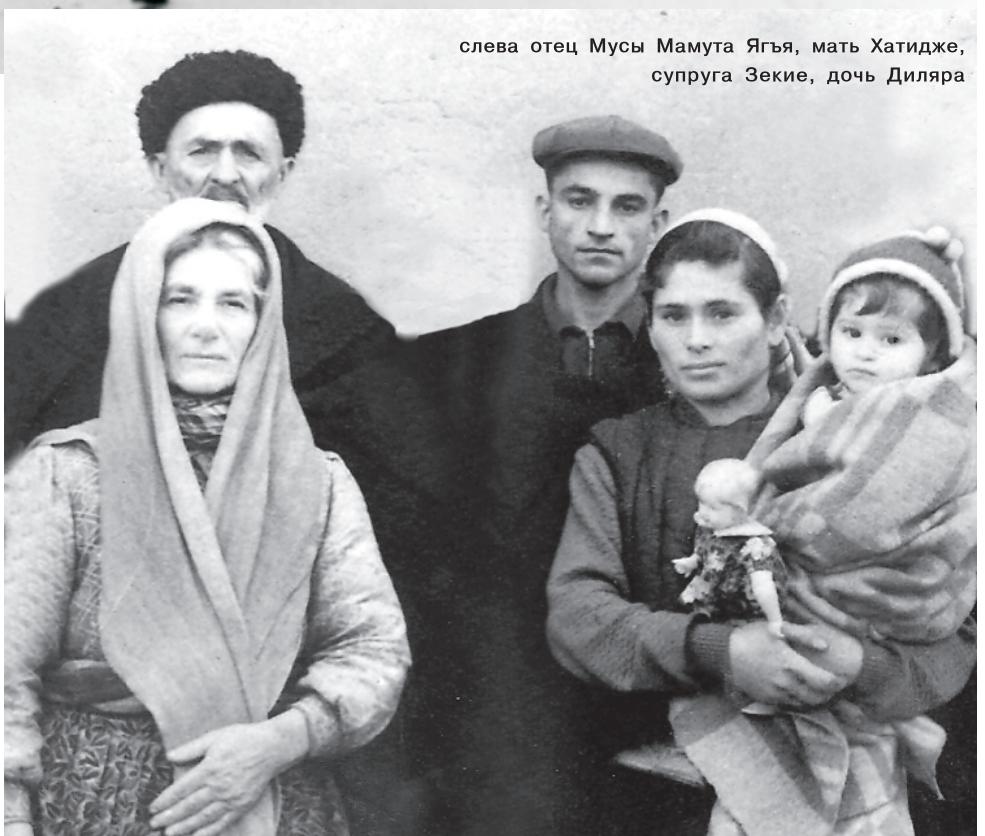
На фото его внук Муса

Похороны Мусы Мамута

Муса и Зекие 1958 г

слева отец Мусы Мамута Ягъя, мать Хатидже, супруга Зекие, дочь Диляра